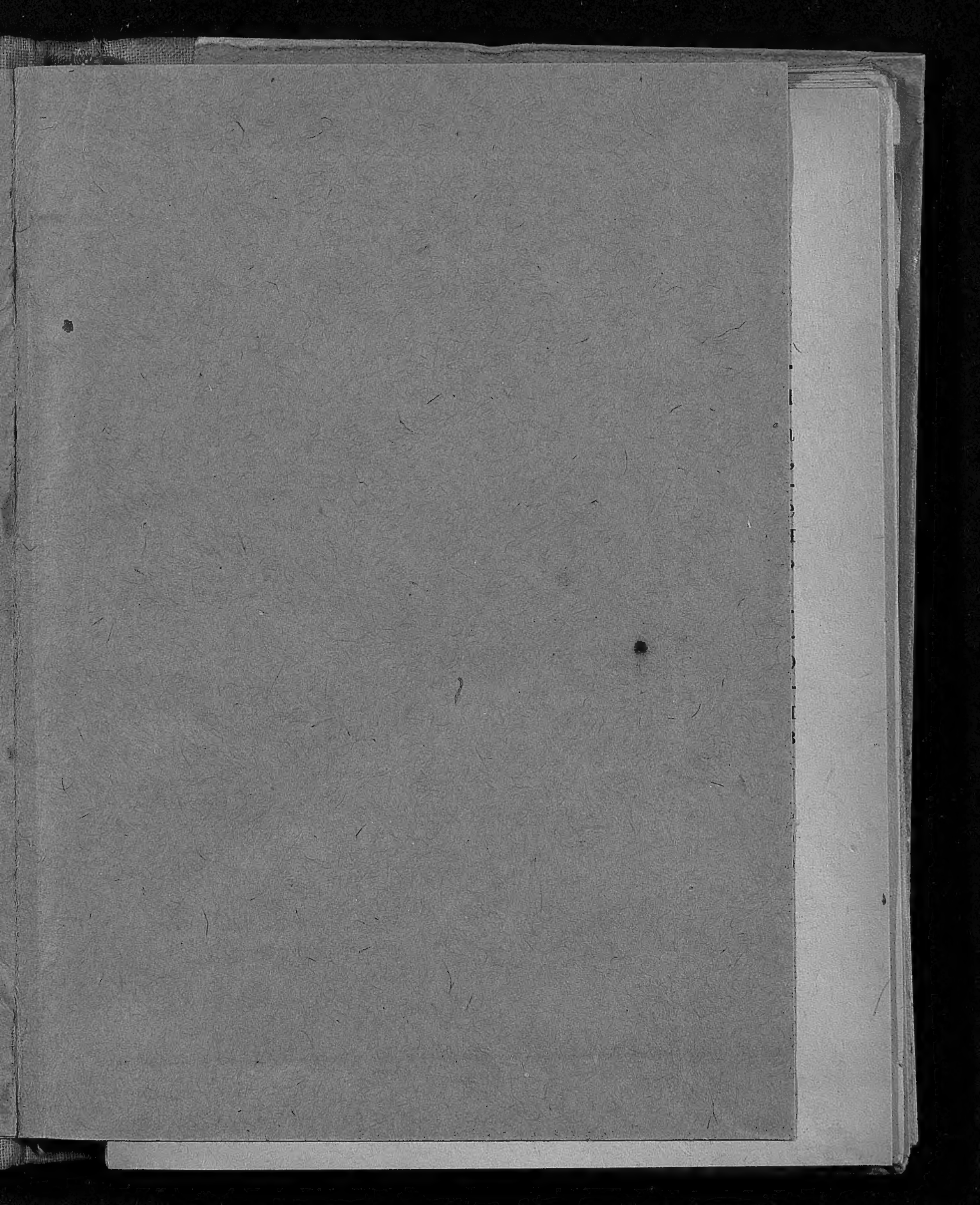
ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЛЕНИНСКИХ ГАЗЕТ „ИСКРА“ „ВПЕРЕД“, „ПРОЛЕТАРИЙ“ И „НОВАЯ ЖИЗНЬ“
(1901 — 1906 гг.)

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1939

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ИЗ ЛЕНИНСКИХ ГАЗЕТ „ИСКРА“ „ВПЕРЕД“, „ПРОЛЕТАРИЙ“ И „НОВАЯ ЖИЗНЬ“ (1901 — 1906 гг.)

Предисловие Ем. Ярославского

ЯРОСЛАВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

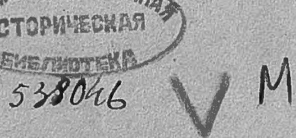
1939

От издательства

В настоящий сборник включены статьи, корреспонденции и отдельные заметки из ленинской „Искры“, из газет „Вперед“, „Пролетарий“ и „Новая жизнь“, освещающие рабочее движение и первые шаги большевистских организаций на территории нынешней Ярославской области за период с 1901 по 1906 год.

В сборник вошла лишь часть материалов, опубликованных в названных выше газетах о Ярославской и Костромской губерниях. Некоторые материалы даны в сокращенном виде. Сокращенные названия (например, ЦО, Ц. У-ния) заменены полными названиями.

Сборник подготовлен к печати тов. И. В. Баскаковым.

Роль Ярославской и Костромской партийных организаций в истории революционного рабочего движения в России

Участникам социалистического строительства Ярославля, Костромы и ряда других городов, сложившихся еще до революции больших промышленных районов, трудно представить себе условия, в которых боролись их отцы и деды за человеческое существование, за право строить жизнь в собственных интересах.

Ярославская, Костромская, Владимирская, губернии при царизме привлекали не только капиталы русских промышленников, но немало было среди эксплоататоров и представителей иностранного капитала, которых влекли в этот район огромные массы „избыточного“, нуждающегося в заработках населения, легкость эксплоатации этих масс.

Чтобы судить о том, как быстро развивалась промышленность в этих губерниях, достаточно привести только одну цифру: с 1861 года по 1900 год в Ярославской и Костромской губерниях число рабочих увеличилось почти в 5 раз — с 23,5 тыс. до 109 тыс. человек.

Как ни забиты были рабочие, как ни трудно было им организованно выступать против чудовищной эксплоатации, царившей на фабриках и заводах, стачки и бунты 80-х годов показывают, что уже в то время ярославские и костромские

рабочие примыкают к наиболее революционным элементам в стране и участвуют в революционном стачечном движении. Широко известна стачка рабочих Большой Ярославской мануфактуры б. братьев Корзинкиных в 1895 году, жестоко усмиренная царскими войсками, солдатами Фанагорийского полка, которых царь благодарил за расстрел рабочих и назвал „молодцами фанагорийцами“.

Однако никакие расстрелы, никакие преследования, аресты, ссылки рабочих, занесение их в черные списки и т. п. кары не могли уже приостановить движения. Расстрел ярославских рабочих в 1895 году произвел огромное впечатление на всю рабочую массу, до которой дошли вести об этом расстреле. Рабочие стали убеждаться во второй половине 90-х годов и в особенности в начале 900-х годов, что одна экономическая борьба не может привести их к победе, что им необходимо вести политическую борьбу. Даже на таких отсталых предприятиях, как Норская мануфактура, стачечное движение принимало временами острый политический характер. Стачки идут почти непрерывно в 1897 году, в 1900 году, в 1901 году, несмотря на аресты вожаков и на высылку всех сколько-нибудь „подозрительных“ рабочих из района.

Вместе с ростом рабочего движения в Ярославской и Костромской губерниях возникают в 80-х годах первые социал-демократические кружки. Из этих кружков выросли впоследствии комитеты, которые вошли в Северный Союз социал-демократической партии. Эти социал-демократические кружки несомненно сыграли громадную роль. Большая часть кружков и Ярославской, и Костромской, и Владимирской, и Нижегородской

губерний находилась под влиянием революционного крыла социал-демократии, под влиянием „искровцев“, ленинцев, большевиков.

Эти марксистские кружки развернули большую массовую, агитационную работу. Как ни трудна была обстановка этой работы, как ни яростны и неотступны были преследования царского правительства, работа социал-демократических организаций почти не прекращалась.

Кроме Большой Ярославской мануфактуры братьев Корзинкиных, остальные предприятия в Ярославле были мелкими и средними: валяльный завод Свешникова, химические предприятия Дунаева, спичечные и махорочные предприятия Вахрамеевых, химические предприятия Сорокиных, чугунолитейный завод Смолякова, свинцовобелильные заводы и др. Но тон задавали Корзинкины, которые нещадно эксплоатировали рабочих и в то же самое время разыгрывали роль благодетелей-фабрикантов. Заработная плата в конце 90-х и в начале 900-х годов была в среднем на большинстве текстильных предприятий 12—13 руб. для взрослых и 7—8 руб. для женщин и подростков в месяц. К этому надо прибавить каторжные условия труда — $11^1/_2$—$12^1/_2$ и больше часов работы, изощренную систему штрафов, расчет не деньгами, а большей частью через хозяйскую лавку талонами на приобретение продуктов и других товаров, аресты за малейший протест, ужасающие жилищные условия, жизнь в грязных и тесных вонючих каморках, бесправие рабочих не только перед царским правительством, но и перед хозяином-эксплоататором.

Не лучше было и положение крестьян. Крестьяне страдали от гнета царя, помещиков и кулаков, от малоземелья, от того, что они были наде-

лены плохими землями, которые трудно было обрабатывать при отсутствии скота и сельскохозяйственного инвентаря. Хозяева паточных, крахмальных и спиртоводочных заводов, маслодельных, сыроварен отбирали беззастенчиво за гроши урожаи полей, забирали молоко для маслоделен, сыроварен.

То, что происходило в Ярославле, в значительной степени относится к Костроме — другому центру текстильной промышленности. Такие предприятия, как Товарищество костромской льняной мануфактуры, Бумаготкацкое бельгийское акционерное общество, фабрика Зотова, фабрика Чумакова,—это были фабрики, которые по условиям труда на них если и отличались от условий в Ярославле, то отнюдь не в лучшую сторону. Еще более изощренной была на этих предприятиях эксплоатация.

Начавшееся в начале этого столетия политическое оживление в рабочем классе, переход к массовой агитации, к демонстрациям,—отразились и на рабочем движении в Ярославской и Костромской губерниях. В особенности в этом отношении обращает на себя внимание летняя стачка в Иваново-Вознесенске в 1903 году и затем в Костроме. Рабочие в большинстве своем очень активно участвуют в политическом движении; они выходят на улицы с красными знаменами, с пением марсельезы. В движении принимает участие огромное количество женщин. И когда жандармский полковник Кемпе грозит работнице Бельгийского акционерного общества (ныне бумаготкацкая ф-ка „Знамя труда“): „Я тебя в тюрьме сгною“, то работница отвечает: „Не боюсь тюрьмы, все равно на воле с голоду умирать“. Этот ответ работницы ярко освещает положение всего рабочего класса в то время.

Выход из невыносимо тяжелого положения, полуголодного и голодного существования был только один — в политической борьбе рабочего класса против класса эксплоататоров, против царизма. Во главе этого движения становится партия большевиков. В большинстве организаций перечисленных губерний этого промышленного района были большевистские организации. После II съезда партии они сплачиваются вокруг Ленина. Так, мы читаем в резолюции конференции Северных Комитетов (1905 г.) о литературной группе Ленина:

„Рассматривая литературную группу, руководимую товарищем Лениным, как орган, выясняющий принципиальную позицию большинства II партийного съезда не только в вопросах организационных, но и программных, и тактических, конференция комитетов Северного района приветствует ее выступление и высказывает пожелание, чтобы данная группа расширила свою деятельность изданием пропагандистских брошюр и периодических бюллетеней“.

Мы видим, как ярославские и костромские рабочие проводят большевистскую тактику на протяжении всей первой русской революции—буржуазно-демократической революции 1905 года. Январские дни всколыхнули рабочую массу Костромы, Ярославля и других городов этого района. Многочисленные стачки прокатываются по всей России, перебегая от одной фабрики к другой, охватывая всю рабочую массу. Рабочие отвергают участие в комиссии Шидловского, рабочие готовятся к вооруженному восстанию, они участвуют в упорных стачках 1905 года, как это имело место на Большой Ярославской мануфактуре. Они стоят в вопросе о вооруженном восстании на больше-

вистской точке зрения. На разговоры меньшевиков о том, что партия не может брать на себя обязательство вооружить рабочих оружием, а должна вооружать их только „жгучей жаждой вооружения“, рабочие отвечают резолюциями, что „только посредством оружия можем мы достать оружие“.

Для того, чтобы руководить всей этой борьбой, необходима была рабочая печать. Северный Комитет издавал, во-первых, подпольный орган—„Бюллетень Северного Комитета“, во-вторых, огромное количество агитационных листков. Массовая агитация занимала большое место в жизни партийных организаций. Так, во время майской забастовки в Костроме за несколько дней было выпущено 9 листовок в количестве более 4 тысяч экземпляров. Бюро Северного Комитета развертывает также обширную деятельность. Отдельные листовки издаются тиражом в 10 тысяч экземпляров и более.

Одновременно в Ярославле группа большевиков — в их числе тов. Менжинский — участвует в редакции „Северного края“, стараясь превратить эту газету в орган, обслуживающий революционное общественное движение. И только после того, как они встретились с сопротивлением либеральствующих элементов редакции, они должны были выйти из редакции. Летом и осенью 1905 года в Иваново-Вознесенске, Костроме, в Ярославле возникают Советы Рабочих Депутатов. Эти советы рабочих депутатов сыграли уже в 1905 году громадную роль. Рабочие создали (в Иванове, в Костроме) свою собственную милицию. Это были зачаточные органы революционной власти, органы руководства революционным движением и подготовки к вооруженному восстанию.

Кратковременное их существование не дало им возможности окрепнуть. Но их опыт сыграл громадную роль. В февральские дни 1917 года рабочие немедленно приступили к созданию советов рабочих депутатов, помня, какое значение они имели в 1905 году. Рабочие быстро революционизировались. В Ярославле и Костроме до осени 1905 года не всюду можно было открыто, свободно говорить против царя. Было еще немало монархически настроенных рабочих. Однако в сознании большого числа рабочих эти монархические чувства были уже подорваны. Так, в Костроме рабочая масса распевала песню:

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

Осенью 1905 года среди революционных рабочих Ярославля довольно распространена была на митингах песня, из которой я помню только отдельные строфы:

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бед и наших зол,—
Виноват во всем гербовый
Двуязычный, двуголовый
Всероссийский наш орел.

Как одно из важнейших мероприятий по подготовке масс к вооруженному восстанию партийные организации и рабочие массы выдвинули революционную работу в армии. Эта работа велась и в Ярославле, и в Костроме, и в Ростове Ярославском, и в ряде других городов.

Конференция групп Северного Комитета после III съезда партии приняла специальное решение о необходимости распространять среди солдат по-

литическую литературу и распространять сведения о всех случаях открытых выступлений и нарушения дисциплины среди солдат, распространять листки на тему из солдатской жизни, выясняя в них связь между солдатами, с одной стороны, и рабочими и крестьянством — с другой, и подчеркивая общие требования социал-демократов; распространять письма к солдатам от родных и обратно, наиболее ярко рисующие картину народных волнений.

Как только явилась возможность выйти из подполья в 1905 году и развернуть, хотя и под угрозой преследования, легальную открытую деятельность, большевистские организации использовали широко эти легальные возможности. В резолюции конференции групп Северного Комитета говорилось о том, что необходимо „организовать открытые массовые выступления, с одной стороны, для целей непосредственного политического напора на самодержавие и завоевания революционным путем демократических свобод, с другой стороны — в целях влияния на широкие массы еще бессознательных рабочих и вообще народа. Такие открытые выступления должны быть организованы в различных формах, начиная с открытой идейной проповеди представителей партии пролетариата и кончая широкими уличными демонстрациями, шествиями, митингами, народными собраниями вплоть до вооруженного восстания пролетариата“. Для того чтобы организовать эти открытые выступления, были созданы особые группы, задачей которых была открытая пропаганда идей научного социализма с использованием библиотек из легальных книг, затем использование легальных и полулегальных рабочих союзов и собраний для проведения пла-

нов и директив партийного комитета и организация открытых рабочих митингов и рефератов.

Это была не бумажная резолюция, а как известно, большевики Иваново-Вознесенской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской и других организаций широко использовали легальные возможности для развертывания агитационно-пропагандистской и организационной боевой работы.

Ярославская и Костромская организации, конечно, не были ведущими организациями в России, но они сыграли несомненно большую роль, в особенности среди рабочих текстильных предприятий.

Для изучения рабочего движения, поэтому, чрезвычайно важно было собрать воедино корреспонденции в „Искре", в „Вперед" и „Пролетарий", в органах революционного марксизма, как ценный материал для изучения истории революционного движения.

После Октябрьской социалистической революции Ярославская и Костромская организации коренным образом изменились. В Костроме и в особенности в Ярославле выросли крупнейшие промышленные предприятия. Нельзя уже сказать, что Ярославль или Кострома являются исключительно и главным образом текстильными районами. Нет, это центры машиностроения, химической промышленности, центры, бурно выросшие в течение последних двух пятилеток. В третью пятилетку этим организациям предстоит еще больше вырасти, занять еще более значительное место во всей экономике, во всей жизни Советского Союза.

Новое поколение людей работает на новых фабриках и заводах и на обновленных дореволюцион-

ных предприятиях, ставших достоянием рабочего класса, в колхозах и совхозах. Это новое поколение людей должно знать прошлое края, должно знать, как боролись их отцы, братья, матери и сестры за то, чтобы получить право и возможность строить жизнь в интересах самих трудящихся, строить бесклассовое социалистическое общество. Они должны знать пути, которыми пришли они к великим победам социализма под знаменем Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, под руководством Ленина и Сталина.

Настоящий сборник облегчит им эту задачу.

Ем. Ярославский.

7.IV. 1939 г.

Несколько исторических справок
(вместо введения)

Территория нынешней Ярославской области уже с средины прошлого века становится важнейшей частью промышленного севера России. Развитие промышленного капитализма идет здесь быстрыми темпами.

Еще при крепостном праве, к концу XVIII столетия, под влиянием развития товарных отношений преобладающей формой крепостнического хозяйства в б. Ярославской и Костромской губерниях становится оброчная система. К 80-м годам XVIII столетия число крепостных крестьян, находившихся на оброке, составляло в б. Ярославской губернии 78%, а в Костромской — 85%. Денежный оброк, который крестьянин вынужден был платить помещику-крепостнику, резко увеличивался из года в год. Так, с 1780 года по 1860 год оброк увеличился в пять раз и составлял для крестьян Костромской губернии в среднем 23 руб. 50 коп., а в Ярославской губернии — 25 руб. 83 коп. с тягла в год *).

И после отмены крепостного права крестьянин, став лично свободным, продолжал угнетаться по-

---

*) Цифровой материал (приведенный также и ниже) разработан по книге А. Скребницкого „Крестьянское дело в царствование Александра II", т. II и т. III и Ю. Янсона — „Опыт статист. исследования о крестьянских наделах и платежах", СПБ, 1877 г.

мещиком. „Реформу“ 1861 года проводили сами помещики. И они ограбили крестьян. Помещики отрезали в свою пользу по Ярославской губернии в среднем 28%, а по Костромской свыше 38% земель, которыми раньше пользовались крестьяне, — и притом самых лучших земель, включающих леса, луга, водопои и выгоны. Эти отрезанные у крестьян земли („отрезки“), без которых крестьяне не могли вести самостоятельного хозяйства, являлись источником сохранения остатков крепостнического хозяйства в виде отработков, испольщины.

Крестьяне должны были за землю и „волю“ платить помещикам огромные выкупные платежи, которые составляли, например, по Костромской губернии 25 руб. с десятины (тогда как продажная цена десятины земли не превышала в то время 8 руб.).

Крестьяне должны были на тяжелых условиях арендовать у помещиков землю.

Кроме выкупных платежей и громадных податей, прибавились поборы на земство и на разного рода мирские повинности, которые ежегодно исчислялись для крестьян обеих губерний в сумме свыше 7 миллионов 300 тысяч рублей. При средней доходности одной десятины в 92 копейки в год выкупные платежи с десятины земли составляли для Костромской губернии 1 руб. 40 коп., для Ярославской — 2 руб. в год; соответственно, душевые платежи составляли 6 руб. 94 коп. и 7 руб. 62 коп. в год.

Надо еще добавить, что в ряде мест длительное время продолжала оставаться барщина и оброчные платежи. Все это вызывало крайнее разорение широких масс крестьянского населения.

За 30 лет — с 1861 года по 1891 год — пахотная

площадь в Ярославской губернии сократилась на 272 тысячи десятин с лишком. Количество безлошадных дворов составляло в 1902 году 35,2%, а в 1912 году — 37,5%.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве вело к расслоению деревни.

Увеличение количества деревенской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев сопровождалось одновременным выделением кулацкой верхушки и уменьшением количества средних крестьян. Положение среднего крестьянства Ярославской губернии характеризует тот факт, что даже в урожайные годы большинству средних крестьян своего хлеба нехватало на 6—10 месяцев, а большинству бедняцких хозяйств своего хлеба хватало только от 2 до 5 месяцев.

Не имея права выйти из общины, ярославский и костромской крестьянин (бедняк и середняк), буквально бежал — как указывает В. И. Ленин (Соч., т. XII, стр. 247) — от своего надела, в поисках заработка на фабриках и заводах, сдавая задаром свой клочок земли, уплачивая сам за нее все налоги. Но и здесь его настигал царь, помещик и голод. До 40% всех заработков на стороне крестьянину приходилось отдать на подати; остальных еле хватало на покупку хлеба.

Отход из деревень в города достигал огромной цифры. В. И. Ленин указывает (т. III, стр. 417), что „в Ярославской губернии уходит на сторону 11 — 20% всего населения, т. е. 30 — 56% рабочих мужчин; 68,7% уходящих отсутствуют круглый год... Очевидно, что все это — „крестьяне только по официальному наименованию“.

Разоренная деревенская беднота поставляла огромными массами дешевую рабочую силу фаб-

фикантам и заводчикам. Несмотря на остатки крепостничества, задерживавшие развитие промышленного капитализма, число фабрик и заводов после отмены крепостного права неуклонно росло. За 40 лет — с 1861 года по 1900 год — среднее число рабочих на фабриках и заводах Ярославской и Костромской губерний увеличилось почти в пять раз (с 23 627 до 108 956 человек). Полотняная промышленность Ярославской губернии только за 8 лет (с 1889 по 1897 год.) увеличила число предприятий на 50%, а число рабочих—в 13 раз. Наряду с Ярославлем, Костромой и Рыбинском крупными фабричными центрами становятся в этот период Нерехта, Переславль, Ростов, Норский посад, село Великое.

О положении рабочих говорят факты по крупнейшей в пределах области и старейшей (основана в 1722 году) Ярославской Большой мануфактуре (ныне текстильный комбинат „Красный Перекоп"). Средний заработок рабочего за 12—14-часовой рабочий день в 1893 году составлял 11 руб. 93 коп. в месяц. Большая часть рабочих получала и того меньше. Подростки 10—12 лет, труд которых широко применялся фабрикантами, получали 4—5 руб. в месяц. Штрафы составляли подчас 45—50% заработной платы. За один только 1858 год владельцы Ярославской Большой мануфактуры положили себе в карман с одних штрафов свыше 17 тысяч руб. Хозяйская лавка, в которой продукты продавались рабочим втридорога и в которой рабочих всячески обманывали, дала владельцам за 1894 год 28 156 руб. чистой прибыли. Большинство рабочих жило в рабочих казармах или в маленьких „черных каморках" с нарами в два этажа, в которых ютилось по 18—25 рабочих.

Зверская эксплоатация, непомерные штрафы, обсчеты, снижение расценок и грубое, издевательское отношение к рабочим со стороны администрации — все это являлось причинами возникновения массовых выступлений рабочих в 70—80-х годах прошлого столетия. Как и в других местностях России, первые забастовки носили неорганизованный, стихийный характер и выражались подчас в разгроме фабричного имущества.

В. И. Ленин так характеризует эти рабочие бунты (Соч., т. I, стр. 367):

„Лет десять тому назад в делах купцов и фабрикантов наступила заминка, так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты несли убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.“

Иной, более организованный характер стачечное движение начинает приобретать в 90-х годах. Известная забастовка в 1895 году на Большой Ярославской мануфактуре (20 апреля — 4 мая старого стиля), возникшая как массовый протест рабочих против предполагавшегося снижения расценок, против непомерных штрафов и бесчеловечной эксплоатации, охватила 7 тысяч рабочих и носила весьма упорный характер. На подавление забастовки были вызваны войска — 10 рот Фанагорийского гренадерского полка. 27 апреля (старого стиля) забастовавшие безоружные рабочие

были расстреляны войсками. Было убито свыше 10 рабочих и много ранено.

Эта стачка, жестоко подавленная царскими войсками, завершилась первой в истории Ярославля рабочей демонстрацией. На другой день после расстрела, 28 апреля, бастующие рабочие организовали шествие по городу с красным флагом и силой освободили из каземата полицейского участка арестованных рабочих.

Уже в то время отдельные передовые рабочие устанавливают непосредственные связи с Петербургским „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса". Подробные сведения об ярославской стачке 1895 года В. И. Ленин получил в письме рабочего из Ярославля. О замечательной борьбе ярославских рабочих против капиталистической эксплоатации и произвола царских сатрапов В. И. Ленин написал специальную статью, захваченную царскими жандармами при аресте руководящего ядра „Союза борьбы".

В первомайской прокламации (1896 года) Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" указывалось: „В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникало множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и др. городах. Большинство стачек кончалось удачно для рабочих, но и неудачные стачки неудачны только повидимому".

О ярославской стачке 1895 года, о расстреле рабочих стачечников В. И. Ленин говорит в своей замечательной статье „О стачках" (т. II, стр. 576).

Кроме Петербургского „Союза борьбы" на кро-

вавую расправу с ярославскими стачечниками откликнулась нижегородская социал-демократическая группа, выпустившая по этому поводу специальную прокламацию.

В 1898 году началась забастовка на фабрике Норской мануфактуры (ныне — фабрика „Красный Перевал“). Здесь также царил безграничный произвол фабричной администрации, избиения рабочих надзирателями и дирекцией, мизерные заработки, массовая эксплоатация труда малолетних. Заработки малолетних составляли 15 коп. в день, подростков — 25 коп., мужчин — 45 коп. в день; женщины получали от 3 до 7 руб. в месяц. Выведенные из терпения объявленным снижением расценок и забастовавшие в феврале 1898 года рабочие потребовали повышения заработной платы. Вызванная администрацией фабрики полиция жестоко избила рабочих. 14 рабочих было арестовано. 9 рабочих (организаторы стачки) были сосланы общей сложностью на 44 года на крайний север России.

Стачечная борьба в 1900 году, охватившая рабочих Норской мануфактуры (в марте) и рабочих фабрики Классен в Романово-Борисоглебске (ныне гор. Тутаев), проходит уже в условиях непосредственного руководства борьбой рабочих со стороны первых социал-демократических организаций Ярославской области.

* *
*

Еще в 80-х годах прошлого столетия ярославские интеллигенты — учителя, студенты Демидовского юридического лицея и семинаристы устанавливают связи с марксистской Группой „Освобождения труда“, организованной Плехановым, от которой получают марксистскую литературу.

В 1886 и в 1888 годах жандармы разгромили первые попытки организации марксистских кружков. При этом у арестованных были обнаружены такие книги, как работы Карла Маркса — „Наемный труд и капитал“, Ф. Энгельса — „Развитие социализма от утопии к науке“ (на русском языке), ряд книг на немецком языке (К. Маркс — „Нищета философии“), брошюра Г. В. Плеханова — „Социализм и политическая борьба“.

Более прочной организацией явился марксистский кружок тов. Стопани А. М. (1871—1932), организованный им в 1894 году. Кружок состоял главным образом из студентов и установил связи с рабочими Ярославской Большой мануфактуры, среди которых распространял марксистскую литературу. После отъезда тов. Стопани в Псков (в 1896 г.) организуются отдельные социал-демократические кружки на предприятиях города Ярославля в 1898 и в 1900 годах.

В эти же годы (в 1897 г.) организуется первый социал-демократический кружок и в городе Костроме на фабрике Зотова. В кружке первоначально было 22 человека. В 1901 году почти все участники кружка были арестованы и приговорены к ссылке.

* * *

В „Кратком курсе истории ВКП(б)“, одобренном ЦК ВКП(б), указывается, что „Петербургский „Союз борьбы“ дал могучий толчок к объединению рабочих кружков в такие же союзы и в других городах и областях России... В 90-х годах в Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме возникли марксистские группы, объединившиеся впоследствии в „Северный союз социал-демократической партии“.

Это объединение марксистских групп северного Приволжья происходит в 1901 году под знаком борьбы против экономизма, под знаком ликвидации кустарщины, разрозненности отдельных групп и кружков и сплочения их на идейных и организационных принципах ленинской „Искры". В результате объединения марксистских групп Ярославской, Костромской, Владимирской (а впоследствии и Тверской) губерний была создана областная социал-демократическая организация, получившая название „Северного союза социал-демократической партии" или „Северного рабочего союза" (Семен Семеныч — в конспиративной переписке). Хотя наиболее мощной и пролетарской по составу социал-демократической организацией был Иваново-Вознесенский комитет, однако центром областного объединения становится Ярославль. Здесь имелись лучшие возможности для ведения конспиративной работы. С Ярославлем прочно были связаны все указанные промышленные пункты.

„Северный союз", помимо широкой практической деятельности, сделал попытку разработать программу, принятую на Воронежском съезде союза в январе 1902 года. Однако эта программа имела ряд принципиально ошибочных положений как в теоретической, так и в практической ее части (в частности, слишком узкое осуждение экономизма при наличии в программе ряда положений, прямо смыкающихся с экономизмом). Программа союза, посланная на отзыв организации „Искры", подверглась критике со стороны В. И. Ленина в его письме „Северному Союзу" (см. Ленин, Соч., том V, стр. 123—130).

„Северный Союз" провел широкую работу по распространению ленинской „Искры", организо-

вал в Костроме первую нелегальную типографию, в которой печатались листовки Союза. В 1902—1903 годах почти все местные комитеты Союза имели свои нелегальные типографии, издавали листовки и имели свои низовые периферийные организации (как например, в Кохме, Шуе, Гусе-Хрустальном, Коврове и Муроме).

В апреле 1902 года „Северный Союз" был разгромлен царской охранкой. После апрельского разгрома над восстановлением Союза работали Ц. С. Зеликсон-Бобровская, являвшаяся агентом ленинской „Искры" на территории „Северного Рабочего Союза", Л. М. Книпович и А. М. Стопани (также бывший в то время агентом ленинской „Искры").

В феврале 1903 года в открытом письме в редакцию „Искры" „Северный Союз" официально признал „Искру" и „Зарю" руководящими органами партии, признал правильной программу ленинской „Искры" (см. открытое письмо „Союза" в „Искру"—стр. 47 настоящего сборника).

После II съезда партии вместо „Северного Рабочего Союза" в Ярославле был создан большевистский Северный Комитет, руководивший работой большевистских групп Ярославля, Костромы, Иваново-Вознесенска, Владимира, а впоследствии — Вологды, Рыбинска и Ростова.

Под руководством Северного Комитета местные большевистские организации развертывают широкую борьбу за ленинские организационные и тактические принципы против меньшевиков. Северный Комитет выразил официально свое недоверие меньшевистскому ЦК, деморализовавшему партию своим саботажем решений II съезда. Северный Комитет мобилизовал местные большевистские группы на деятельную подготовку к III съезду партии.

Северный Комитет был официальным инициатором созыва конференции Северных Комитетов.

Эта конференция (см. 56—59 стр. сборника) выступила против политики ЦК партии, в котором руководство захватили меньшевики и их пособники), за ленинскую политику, за созыв III съезда партии. Было принято решение об избрании Бюро Комитетов большинства, подготовившего созыв III съезда партии.

Все местные большевистские группы ведут ожесточенную борьбу против меньшевиков за торжество ленинских принципов. Яркую картину этой борьбы дают корреспонденции в газете „Вперед" из Костромы, приведенные в данном сборнике; корреспонденция в газете „Вперед" (см. 63—67 стр. сборника) показывает, как местные большевики боролись с меньшевиками, против меньшевистской „Искры", за ленинское определение членства в партии (§ 1 устава партии).

Северный Комитет развертывает широкую издательскую деятельность. В нелегальной типографии Северного Комитета в Ярославле была отпечатана тиражом в 10 тысяч экземпляров принятая II съездом партии программа РСДРП. О размерах издательской деятельности Северного Комитета говорит тот факт, что только за январь и февраль 1905 года им было издано и распространено 5 листовок и 1 брошюра общим тиражом 16 580 экземпляров; за май 1905 года—8 листовок общим тиражом в 32 500 экземпляров. Северный Комитет издавал „Бюллетень Северного Комитета" (вышло три номера).

Местные большевистские группы имели также свои издательства. Так, Костромской группой за 1904 год было выпущено 17 листовок, за апрель

1905 года — 6 листовок общим тиражом 8725 экземпляров.

Руководящими работниками Северного Комитета и его местных групп, помимо А. М. Стопани (секретарь Комитета в 1903 и 1904 г.), были: в Ярославле — В. Р. Менжинский, в Костроме — Ц. С. Зеликсон-Бобровская, Я. М. Свердлов (с осени 1904 года и по май 1905 года), в Иваново-Вознесенске — М. В. Фрунзе (Михайлов) — с мая 1905 года.

На конференции северных организаций в Костроме в конце июня 1905 года Северный Комитет был ликвидирован и входившие в него организации стали возглавляться самостоятельными комитетами.

* * *

Публикуемые ниже материалы дают картину нарастания революционного движения в северных районах России в период русско-японской войны и первой русской революции. Уже наиболее ранние корреспонденции — корреспонденции из ленинской „Искры“ — освещают мощный подъем стачечной борьбы с начала 1903 года. В публикуемых материалах показывается практика „соединения социализма с рабочим движением“, руководства социал-демократических организаций борьбой рабочих, показывается, как под руководством социал-демократов экономические стачки рабочих перерастают в политические (см. корреспонденции о „Михинском бунте“ в № 42 и 43 „Искры“, корреспонденции газеты „Вперед“ о весенних и летних забастовках 1905 года в Костроме, Рыбинске и Ярославле).

Происходившая в конце июня 1905 года в Костроме конференция групп Северного Комитета

разрабатывает боевые практические мероприятия, связанные с ходом революции, — о подготовке к вооруженному восстанию, о работе среди войск, о создании боевых дружин. Упразднение на этой конференции Северного Комитета — признак политической зрелости, политического роста местных большевистских комитетов.

Образцом политической бдительности и большевистской принципиальности является резолюция Костромского Комитета о представительстве Плеханова в Международном Социалистическом бюро. Эта резолюция выражала мнение большинства всей партии в этом вопросе. Мы видим образцы большевистского руководства массовыми революционными организациями — 1-м Советом рабочих депутатов в г. Костроме, общегородским стачечным комитетом в г. Ярославле.

По размаху революционной работы в годы первой русской революции из всех крупнейших городов Ярославской и Костромской губерний, несомненно, первое место занимает Кострома. Костромской большевистский Комитет сумел охватить своей работой широкие рабочие массы, развернул работу в деревне среди крестьянства.

Совет рабочих депутатов в Костроме сыграл очень крупную роль. Зачатки его в лице Совета депутатов бастующих были созданы еще во время июльской забастовки 1905 года (Совет депутатов бастующих проводил сбор средств в помощь бастующим, вел переговоры с администрацией фабрики, с городским головой, с представителями властей об освобождении арестованных рабочих и др.). В период ноябрьской забастовки 1905 года, созданный массами, Совет рабочих депутатов был уже зародышем революционной власти.

Вся работа Совета проходит под непосредствен-

ным руководством большевистского Костромского Комитета. Советом был разработан устав рабочих депутатов г. Костромы, предусматривавший представительство в Совете от фабрик и заводов по одному депутату от 50 человек без различия пола, возраста, религии, национальности. Совет собирал средства на помощь петербургским и ярославским рабочим, оставшимся без работы вследствие массового увольнения с фабрик и заводов. Совет энергично защищал права рабочих, вел решительную борьбу против черносотенцев. Совместно с Комитетом РСДРП Совет посылал в деревни своих депутатов-пропагандистов. В заседании 27 ноября Совст рекомендовал в целях борьбы с царским правительством костромским рабочим заблаговременно извлечь свои вклады (при этом золотом) из банка и сберегательных касс. Совет организовал рабочую милицию для борьбы с черной сотней.

Насколько сильно было влияние Совета видно из отношения к нему со стороны губернатора в связи с предложением Совета закрыть винные лавки и не допустить ожидавшегося на 6 декабря черносотенного погрома. Губернатор передал по телефону, что он „покорнейше просит передать Совету рабочих депутатов, что 6 декабря казенки будут закрыты и что им будут приняты меры к недопущению погрома“. (Газета „Костромской листок“ № 123 от 6 декабря 1905 г.).

Костромской Совет провел с 9 по 16 декабря политическую забастовку всех костромских предприятий.

Костромской Комитет имел многочисленную и неплохо вооруженную боевую дружину, вынесшую на себе ряд схваток с полицией и отдельными воинскими частями. Отдельные бойцы кост-

ромской дружины приняли участие в Московском вооруженном восстании.

В Ярославле революционные события 1905 года достигают своего высшего развития в ноябре — декабре. Из стачек этого периода огромное значение имела стачка рабочих Ярославской Большой мануфактуры (ныне текстильный комбинат „Красный Перекоп"). Эта стачка проходила всецело под руководством Ярославского Комитета большевиков и отличалась организованностью и стойкостью бастующих рабочих. Начавшись 15 ноября, стачка продолжалась 52 дня; вслед за ней началась всеобщая политическая забастовка всех предприятий как в Ярославле, так и в Рыбинске. Руководство всеобщей политической забастовкой осуществлялось общегородским стачечным комитетом, организованным еще в октябрьские дни, руководство которым находилось в руках большевиков. В октябрьские дни 1905 года на предприятиях Ярославля были организованы боевые дружины: на Большой мануфактуре и на железной дороге (на ст. Ярославль и на ст. Урочь). Боевая дружина рабочих ст. Урочь выгнала со станции жандармов и полицию и взяла на себя как охрану станции, так и охрану стачечного комитета и митингов бастующих рабочих. Стачечный комитет ст. Урочь являлся фактическим хозяином станции и участка железной дороги вплоть до Вологды в дни восьмидневной политической забастовки (с 7 по 15 декабря 1905 года). Насколько грозной силой представлялась боевая дружина ст. Урочь (насчитывавшая 30—40 человек) царской полиции, видно из следующего факта. Для занятия станции 15 декабря были двинуты две роты солдат, шедших с винтовками на перевес и имевших с тыла и с флангов казачью сотню.

Ярославский Комитет большевиков в этот период осуществлял руководство работой большевистских групп Рыбинска и Ростова, а также вел значительную работу в воинских частях, в которых были организованы большевистские ячейки (артиллерийская бригада в Ростове оказалась настолько распропагандированной, что правительство было вынуждено отказаться от посылки ее на подавление декабрьского вооруженного восстания в Москве).

На Ярославской Большой мануфактуре был создан Совет рабочих депутатов, который явочным порядком взял на себя управление фабрикой. При Совете работали комиссии: продовольственная — для снабжения рабочих продуктами и финансовая — для расчетов с рабочими и по распределению между ними денежных поступлений. Совет потребовал удаления с территории фабрики казаков и полиции и организовал для охраны фабрики милицию из числа рабочих. Организованность рабочих Большой мануфактуры и их непоколебимая стойкость в борьбе, несмотря на лишения и тяготы, связанные со стачкой (рабочие жили в эти дни лишь на средства, присланные рабочими из Костромы и других городов, а также от продажи своего имущества), видна из следующего факта. Солдаты-фанагорийцы отказались итти на подавление забастовки и взяли на себя охрану города от черносотенных банд. Этому была посвящена специальная листовка Ярославского Комитета большевиков, составленная тов. Емельяном Ярославским (являвшимся одним из руководителей стачки на Ярославской Большой мануфактуре).

9 декабря 1905 года большевистским комитетом была организована семитысячная политиче-

ская демонстрация рабочих Ярославской Большой мануфактуры и железнодорожников с требованием освобождения политических заключенных. Эта мирная демонстрация рабочих была расстреляна казачьими отрядами, посланными против рабочих озверевшими мракобесами царского самодержавия. Закончившаяся кровавой трагедией мирная демонстрация рабочих (было убито 9 человек и много ранено) вошла в историю под названием „кровавая пятница".

11 декабря 1905 года свыше 20 тысяч рабочих приняли участие в похоронах жертв расправы, устроенной царскими властями.

Расстрел демонстрации не сломил железного упорства рабочих в их борьбе с самодержавием. В ответ на расстрел рабочих вспыхивает новая всеобщая политическая забастовка протеста, окончившаяся только к 15 декабря.

Полицейский разгул, массовые аресты руководителей движения — большевиков привели к тому, что лишенная руководства борьба ярославских рабочих против самодержавия была сломлена реакцией, и 7 января 1906 года стачка рабочих Ярославской Большой мануфактуры закончилась.

„Кровавая пятница" 1905 года сыграла огромную роль в революционном и политическом воспитании рабочих масс в духе ненависти к самодержавному режиму и подготовке масс к предстоящим решающим боям с капитализмом в Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

* * *

Публикуемые в сборнике материалы дают яркую картину борьбы рабочих Ярославской и Костромской губерний под руководством большевист-

ских организаций в период подготовки и проведения первой русской революции.

Нельзя без волнения читать корреспонденции, освещающие беззаветную, полную героизма борьбу передовых рабочих и работниц с озверелыми мракобесами самодержавия. Нельзя без волнения читать яркие статьи, насыщенные сознанием мощи пролетариата и уверенности его в окончательной победе над помещиками и капиталистами.

Для нас, живущих под ярким, живительным солнцем социализма, эти страницы героической пролетарской борьбы близки, понятны и особенно дороги.

„Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты". (И. Сталин).

И. Баскаков.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ Искры возгорится пламя“. — Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 1 — ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА — № 1

Ленинская газета „Искра“—руководящий орган российской социал-демократии в период 1900—1903 гг. Газета была основана по инициативе Ленина, которому в газете принадлежала роль идейного руководителя и практического организатора.

№ 1 „Искры“ вышел в декабре 1900 года. Ввиду преследований царизмом революционного движения, газета „Искра“ издавалась за границей и доставлялась в Россию тайно.

После II съезда партии, некоторое время „Искра“ выходила под редакцией Ленина и Плеханова. 1 ноября 1903 года Ленин вышел из редакции „Искры“ ввиду расхождений с Плехановым, который повел линию примиренчества и сближения с меньшевиками. Ленинская „Искра“ (с № 1 по № 51 включительно) сыграла крупнейшую историческую роль в создании партии, она была „общерусской политической газетой, подготовившей идейное и организационное сплочение партии“. (История ВКП(б), стр. 33). С переходом в руки меньшевиков, „Искра“ начинает борьбу против ленинских принципов.

Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов

Ярославль

Рабочее движение в Ярославле, раз начавшись, не могло, конечно, заглохнуть, несмотря на все усилия полиции. Полиция не дремала. Особенно много потрудился здесь начальник сыскного отделения (он же пристав 4-ой части), некто Петровский, горячий сторонник зубатовской политики...[1])

Петровский стал подыскивать себе помощника, и выбор его скоро остановился на одном рабочем, Федоре Дорофееве. Неглупый парень, уже раз привлекавшийся (по делу технологаНоскова), он быстро устроил кружок из рабочих, нанял квартиру для занятий и затем, когда узнал все, что нужно, предал. Аресты были 12 января...

Все арестованные обвинялись в пропаганде среди рабочих, показаний не давали почти никаких, и жандармерии, несмотря на все усилия, не удалось создать „дело". Дело, по словам жандармского ротмистра, присланного из Москвы для ведения следствия, яйца выеденного не стоит. А уж как старались жандармы: грозили каторгой (некоторые обвинялись по 250 ст., которая говорит о 15-летней каторге), мучили допросами в жандармском управлении и тюрьме, вызывали свидетелей по всякому незначительному поводу, устраивали очную ставку с Дорофеевым. В настоящее время, говорят, прокурором московской судебной палаты дело отослано в Петербург. Но все усилия царской полиции заглушить рабочее движение остаются безуспешными. В начале марта 1901 года забастовала Норская мануфактура

из-за предполагаемого понижения расценок на лето. Бросили работу две трети всех рабочих (всего около пяти тысяч). 11 марта было арестовано 12 рабочих с Норской фабрики, шедших группою в Ярославль на ярмарку. Обвиняются они в том, что будто бы они шли в город с целью устроить демонстрацию, поднявши массу фабричного народа, гулявшего в то время по ярмарке. Забастовка окончилась, по слухам, неудачно для рабочих: расценки не повысили. Перед пасхой на той же фабрике ходили листки местного характера, которые подняли на ноги всю полицию. Арестов не было. На Ярославской мануфактуре тоже неспокойно из-за расценок. Передавали, что 57 человек тягали на допрос в жандармское управление. Арестов не было, администрация фабрики, испугавшись волнений, увеличила расценки.

„Искра“ № 4, май 1901 года.

Кострома

...Весь май начальство сильно боялось рабочих беспорядков, и, начиная с первых чисел мая, каждый день находится наготове, по распоряжению губернатора, тридцать человек солдат, вооруженных боевыми патронами. По улицам города, собственно в фабричном районе, шляется масса переодетых жандармских и полицейских солдат, говорят, что прибыло много сыщиков из Петербурга. Носятся слухи, что шпионы пущены Кемпе*) в виде сторожей также в местные учебные заведения: мужскую и женскую гимназию, духовную семинарию, техническое и реальное училище (в последнее поступил новый сторож из бывших жандармских солдат).

---

*) Жандармский полковник (прим. составителя).

В июне губернатор выпустил к полиции два циркуляра: один касается земских статистиков, в нем предписывается исправникам наблюдать, чтобы земские статистики, отправившиеся по уездам на исследование, не оказали дурного влияния на тамошнее общество, т. к. среди них масса лиц, находящихся в списке политической неблагонадежности, под надзором полиции. Другой циркуляр приведен нами дословно в ном. 6 (см. „Последние Известия")*).

„Искра" № 7, август 1901 года.

В Центральном районе

Обилие штрафов при 12-13 руб. месячной плате для взрослого рабочего, редкая выдача этого заработка (раз в месяц) — таковы условия труда в прядильно-ткацкой фабрике г. Классена в Романове-Борисоглебске**), Ярославской губернии. К этому еще присоединяется застарелая язва российской фабрики — хозяйская лавка. Товар в такой лавке недоброкачественный, цены более высокие, чем те, какие значатся в утвержденной фабричным инспектором таксе. При покупке товара в заборной лавке отмечается та цена, которая показана в таксе, надбавка же уплачивается наличными деньгами. Ввиду редкой выдачи заработка, рабочим часто приходится для покупки товара, не имеющегося в хозяйской лавке, совершать коммерческую операцию: купить какой-нибудь ненужный товар в этой лавке и перепродать его, теряя 20% убытка.

*) Циркуляр с перечнем „неблагонадежных" лиц, которым воспрещено жительство в университетских городах и фабричных местностях (прим. составителя).

**) Ныне фабрика Тульма (прим. составителя).

Зато на бумагопрядильной фабрике франко-русского общества близ станции Павлово (Московско-Нижегородской ж. д.) теми же доблестями отличается лавка... потребительного общества. „Обвешиваются на целые фунты“,— пишут нам оттуда, а когда обвешенный покупатель, узнав дома об обмане, явится обратно в лавку, то его же обвиняют в непорядочности: сам-де дома отрезал, а потом пришел сюда.

„Искра“ № 7, август 1901 года.

Кострома

Все арестованные в апреле освобождены в июне. Обвинялись в участии в костромской социал-демократической группе (по 318 и 252 ст.). Улик не добыто никаких. [2])

...В ночь с 4 на 5 июня у рабочих были опять обыски. Арестован Лапшин, но через несколько дней выпущен. Обыски повторились 21 июня. Все эти события вызывают массу толков среди рабочих, спрос на нелегальную литературу значительно увеличился, ею интересуются такие рабочие, которые прежде не стали бы ее и читать. Даже самым „серым“ рабочим, только что пришедшим из деревни, любопытно знать „за что это людей берут“ и что написано в тех книжках, которые „ищет полиция“.

На допросах полковник Кемпе некоторым рабочим говорил: знаем мы, чего вы добиваетесь — восьми часов труда; сделай по-вашему, а вы потом голову нам оторвете. Такими фразами очень поднимают дух у всех работающих, так как каждый признает за собой силу, с которой надо бороться и которой боится правительство.

„Искра“ № 7, август 1901 года.

Кострома

Какой пищей костромские помещики кормят своих рабочих. В нескольких верстах от Костромы находится усадьба Караваево, принадлежащая генеральше Усовой; генеральша ведет хозяйство и держит 8—10 земледельческих рабочих, которых кормит совершенно невозможной пищей. Работники уже несколько раз пробовали протестовать против подобных харчей, но экономка в ответ на это советовала есть, что дают, и быть этим довольным, и пища нисколько не улучшилась; пробовали и жаловаться исправнику, но последний, будучи хорошо знаком с генеральшей, прогонял жалобщиков и даже обещал засадить их, если они еще раз вздумают жаловаться, в холодную. Наконец, однажды на обед было подано такое мясо, что, несмотря на сильный голод, рабочие совсем не могли его есть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собаке, которая, съевши его, в тот же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли в землю. Это происшествие с мясом ужасно возмутило рабочих, они думают снова итти в Кострому с жалобой, но на этот раз думают уже обращаться не к полиции, так как судьба предыдущих жалоб ясно показала им, что последняя держит сторону хозяев (это убеждение глубоко вкоренилось теперь в умах караваевских рабочих), а к прокурору окружного суда. Говорят, что не лучше караваевской пища у работников и во многих других усадьбах Костромского уезда. Скоро ли настанет пора, когда живущие продажей своей рабочей силы крестьяне поймут, что их интересы одинаковы с интересами городских рабочих и

вместе с ними, под знаменем российской социал-демократии, выступят на борьбу за лучшую долю?

„Искра“ № 12, 6 декабря 1901 года.

Завод Понизовкина, Костромской губернии

На паточный завод Понизовкина *) местные крестьяне подрядились возить картофель. Добрый хозяин, радея о нуждах крестьян и не желая заставлять далеко ездить за покупками, устроил у околицы лавку. При приеме картофеля происходило самое бессовестное обмеривание. Завод остроумно завел „нормальный“ четверик, в который обыкновенно входит полтора. Когда же приходится получать деньги, то удивленному крестьянину дают какую-то мелочь — остальное пошло на уплату долга в лавочку. Некоторые падают на колени, просят пощадить, другие же решили возить на другой завод или в город. Но лавка так успела запутать крестьян, что они все не могут расплатиться... Приказчик лавки, как хищная птица, выслеживает проезжающих крестьян, и раз заметил — все кончено!— воз сваливают и объявляют, что завод принял картофель, дают денег по прежней „нормальной“ цене и затем объявляют, что осталось за крестьянином столько-то. „Доколе, господи?“ — шепчут крестьяне. Дотоле, ответим, пока будете терпеливо сносить всякое издевательство.

В Костроме и Иванове были выпущены прокламации по поводу усиленной охраны. [3])

„Искра“ № 17, 15 февраля 1902 года.

*) Ныне з-д „Красный Профинтерн“ в Некрасовском р-не.

Пошехонский уезд, Ярославской губернии

Пошехонский уезд славится развитым маслоделием так же, как и соседняя с ним Вологодская губерния. Вдали от железных дорог „затерялось небогатое наше село"; земледелие почти совсем не кормит, приходится или искать подсобных промыслов, или уходить, куда глаза глядят... Уйти при существующих деревенских отношениях не так-то легко: паспорт в наиболее захудалых деревнях достать трудно; упорно держатся правила — помирать, так всем помирать... И тихо, незаметно помирают. На этой почве нищеты и земельного утеснения (отсутствие пахотной земли) пышно расцветает наше маслоделие. Завод сам по себе очень небольшой, количество работающих на нем редко достигает десяти человек; ручной двигатель, несколько сепараторов, приемная изба — вот и весь „завод". Зато около этого маленького гнезда вьются часто целые деревни, для которых он является единственным „поильцем-кормильцем". Прежде чем откроется такой „завод", происходит „скупка деревень", т. е. заключение с крестьянами ближайших деревень условия, по которому они обещаются доставлять молоко заводу и только ему. Сначала дают задатки, хорошо платят за молоко, разрешают оставлять немного молока дома. Раз произошло „приучение" или, как говорят некоторые заводчики, „приручение" крестьян, картина меняется. Начинается браковка молока, задерживается расчет; с развитием производства (а дело это наживное) требуют доставки полного удоя, иначе грозят совсем не принимать; некоторые семьи и сами начинают тянуться за большим заработком. В результате семья начинает питаться одним хле-

бом да „отделанным“ молоком, сипороткой; этой сипороткой кормят и детей; быстро начинает развиваться дизентерия: детская смертность повышается, и любимой песнью деревни становится:

Сипорат — плоха машина,
С молока болит брюшина и т. д.

Разоренный собственно двор, и на нем три коровы, служащие часто доказательством для народников, что развитие маслоделия (особенно артельного) повышает благосостояние... Любопытно здесь отношение маслоделов к артелям. Когда-то Верещагин насаждал здесь артели, быстро распавшиеся; их место заняли деревенские артели; я уже указывал, что особенно трудно поставить дело сначала, „приучить“ крестьян. Много денег зря выходит, много хлопот, неуверенность, что наладилось дело. Эту первоначальную, организационную работу для капиталистических маслоделен с успехом выполнили верещагинские артели. Маслоделы не забыли этой выгодной операции: нередки случаи, когда желающий поставить завод подбивает крестьян устроить артельное предприятие, дает даже ссуды и, когда артельное начинание в силу задержки кредита начинает хиреть (а в такой будущности каждый умный кулак уверен), заимодавец „спасает“ артельщиков и берет их под свое отеческое попечение „со всеми кишками и потрохами“, как говорят крестьяне. Таков смысл всех артельных начинаний, ту же роль сыграет и народничествующее ярославское земство. Самым же верным средством закабалить крестьян служат лавочки. Заводов без лавочек почти нет; расплата товарами (truck system) применяется самым широким образом. В деревне, в которой носят молоко, обыкновенно

уже другой лавки нет. Цены в заводской лавке раза в 2-3 дороже обычных; зато отпускают и в долг и за счет принесенного молока. Обязательства к заводу крепко опутывают крестьянина; когда же он думает вздохнуть, поспевает правительство со своими податями, недоимками и окончательно придушивает крестьянина. Попробуйте найти выход. Что касается рабочих, то их положение так скверно, что обыкновенно идут совсем разорившиеся... Картина этой эксплоатации, совершающейся где-то в тиши и дали, могла бы вскрыть много интересного; я лишь случайно попал в эти места и потому не мог достаточно подробно вникнуть в эти отношения; прошу товарищей, стоящих ближе, поработать над собиранием этого материала.

„Искра" № 17, 15 февраля 1902 года.

Ярославль

Кроме Мануфактуры*), на которую обращено исключительное внимание, у нас много еще всяких небольших заводов от 50—200 рабоч. Это — валяльный завод наследников Свешникова, химические заводы Дунаева, Сорокина, несколько табачных фабрик, мельниц и водочный завод. Положение труда на этих заводах самое печальное. На белильный завод Сорокина идут только люди, которым приходится умирать с голоду; теперь же таких людей очень и очень много. За верную смерть (месяца через два уже происходит отравление свинцовыми белилами; городская больница регулярно получает умирающих с этого завода) рабочие этого завода получают

*) Большая Ярославская мануфактура (прим. составителя).

сущие гроши: хозяева ценят человеческую жизнь дешевле издержек на необходимые гигиенические приспособления. Это маленькое, низенькое здание является прямо капиталистическим застенком. Невозможные санитарные условия — язва этих маленьких заводов. Рабочие табачных фабрик после работы выглядят какими-то ненормальными. Табачная пыль разъедает глаза, спирает грудь, вызывая постоянный кашель; длинный рабочий день, который приходится весь простоять на ногах, совершенно изнуряет рабочего. „Э, где уж нам читать!" — отвечают рабочие на предложение почитать, и тем не менее пропаганда социал-демократических идей прививается и там. Один из фабрикантов, Вахрамеев, закрыл школу после того, как нашел нелегальную книжонку на дворе. „Вот оно для чего я строил!" — говорил обиженный в лучших своих чувствах капиталист. На валеном заводе Свешникова царствуют нравы по Домострою. В 9 часов вечера рабочих запирают, и никто уже не смеет проникнуть за ворота; хозяин не редко „ласкает" рабочих, как может только „ласкать" хозяин. Раньше на Свешникова работали кустари-валяльщики, теперь на смену им пришел завод, взял их властью машины, и побежденные кустари смиренно переносят хозяйский гнев, хозяйскую любовь.

По поводу введения усиленной охраны здесь распространена прокламация ко всем рабочим. [3])

После этого было арестовано 20 рабочих.

„Искра" № 18, 10 марта 1902 года.

Ярославль

В январе 1902 года на табачной фабрике Вахрамеева была небольшая забастовка. Большинство рабочих работает сдельно. Заработная плата

крайне низкая: колеблется между 3 и 8 рублями, но при этом рабочие получают хозяйский обед. Забастовали женщины, которые развешивают табак. До рождества они получали по 2½ коп. с ящика, в который уходит 400 осьмушек; в январе же их заставили развешивать пачками в $^1/_{16}$ фунта, и таких пачек в ящик уходило 800, а с ящика стали платить только по 4 коп. Работницы же требовали, чтобы плата была увеличена до 5 коп. с ящика. Требование их было удовлетворено.

19 февраля Ярославский Комитет выпустил листок к ярославским рабочим, в котором, после изображения условий освобождения крестьян в 1861 году, сказано:

„Теперь мы знаем правду и теперь мы, рабочие, борющиеся за лучшую жизнь, не дадим обмануть себя попам и прочим царским прихвостням. Мы хорошо знаем, что та свобода, которой добились наши отцы и деды, еще не вся та свобода, которая нужна нам, рабочим. Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода сходок и стачек, слова и печати. За эту свободу мы поведем жаркую борьбу... Организуйтесь же, товарищи, к предстоящей борьбе... Всюду несите весть о грядущем освобождении русского народа от ярма самодержавия, зовите к этой борьбе и обманутых, ограбленных царем крестьян. Борясь не только за свои рабочие интересы, но и за интересы всего русского народа, мы сломим, наконец, самодержавное правительство, и праздник, который мы будем праздновать тогда, будет не 19 февраля, день одурачения народа самодержавием, а день освобождения народа от самодержавия“.

„Искра“ № 18, 10 марта 1902 года.

Романов, Ярославской губ.

При льнопрядильной фабрике Классена (до 900 челов. рабочих) существует фабричная лавка, которая, повидимому, предназначается для пополнения прибылей хозяев, потому что цены в ней, сравнительно с рыночными, непомерно высокие... При этом рабочие должны брать тот товар, который им предлагают, некоторая же разборчивость при выборе продуктов считается вздорными претензиями. При фабрике существуют казармы, которые разделяются на артельные и каморки, длиною 2½ сажени и 5 аршин шириною; в каждую каморку назначают по две семьи, кроме того еще холостяков и подростков, так что всего набирается в каморке не менее 8 человек. Каждая семья платит по 1 руб. 50 коп., холостые рабочие по 50 коп., а подростки по 25 коп. Удушливый воздух и страшная грязь—вот чем отличается внутренность казарм.

„Искра" № 18, 10 марта 1902 года.

Даниловский уезд, Ярославской губ.

Есть в Ярославле кожевенный заводчик К. Е. Чувалдин или, как его зовут, Чуваша. Задумал этот Чуваша построить в самом городе свой завод. Полиция не разрешила, так как мочение кож, производящееся у наших кожевников более чем примитивно, должно было пустить заразу на весь город. Сильно вознегодовал Чуваша и, добравшись „до корня", решил, что всему виной самодержавие; поспорил, поспорил с полицией и удалился все-таки вон из города в тихий уезд, в дремучие леса и там, чтобы заглушить свое оскорбленное достоинство, принялся вместо само-

державия... за крестьян. В Даниловском уезде совсем не развита промышленность; самое обычное занятие — рубка леса. Чуваша быстро освоился с местом. Построил заводик и начал пить-есть давать крестьянам и сам питаться. Копеек за 50 в день рабочие простаивают у него часов по 12 в отвратительной атмосфере. Зловоние от прокисшей мочи ужасное; дух спирает у непривычного человека. Шкуры же стали доставлять крестьяне; особенное же удовольствие у Чуваша — это кобениться над крестьянами. Сторгует уже шкуры по дешевой цене, бедный крестьянин вспотеет, дрожит, чуть не слезы на глазах, что пришлось зарезать скотинку и дешево отдать. Он уже слышит дикий окрик старосты о недоимке, но Чуваша грустно задумывается и меланхолично роняет: „Нет, брат, не возьму! плоха шкура-то, да и много у меня их! Прости, что побеспокоил...“ и с истинно-христианской грустью глядит хищник на беднягу. Поломавшись минут десять, он наконец ободряет крестьянина: „Ну, ну! уж так и быть! возьму! Моли за меня бога!..“ И рад крестьянин, получив деньги, бежит расплачиваться... Радостно потирает теперь руки Чуваша: идет все ближе-ближе к нему голод, скотина будет нипочем; славно поживится... Такое же отношение проявляет этот „конституционалист“ ко всем от него зависимым. Ту же историю он проделывает с городскими сапожниками в Ярославле, которые берут у него в лавке товар; не всегда, конечно, есть деньги у сапожника, чтобы расплатиться сейчас же за кожу; приходится молить Чуваша о кредите. И не преминет он в таких случаях подсунуть какую-нибудь дрянь, втридорога. Но особенно изощряется „Константин Егорыч“ над работающими у него в лесу.

Лесной промысел дает Чуваше чудовищные барыши. Лес, купленный им за 3-4 тысячи на сруб, он ухитряется нередко сплавить за 30—40 тыс. Его недреманое око всюду следит: следит за барскими усадьбами, следит за крестьянскими обществами, и всюду он приходит улыбающийся, готовый помочь... Не проходит ни одних торгов на лес, чтобы Чуваша не подстроил какой-нибудь штуки. Купив лес, он сейчас же приступает к его рубке. Чувалдин самый крупный поставщик шпал на железные дороги нашего района. Покладистый на подложные счета, он любимец „душек инженеров". Как дрова, так и шпалы приходится выкладывать в ровные меры: или в сажени, или в различной величины „кубы". Чуть что не так выложат, Чуваша уж никогда не даст поправить, но сейчас же раскидает кладку и велит делать все снова; а так как работа сдельная, то нередко у рабочих пропадают целые дни.

„И ведь кладешь, как следует,— говорят крестьяне,— а так, вот, не с той ноги встанет, и на поди! Все разворотит!" Иногда бывает и так: „Ну ладно, ты поправь, а я за половину (платы) приму!" — цинично предлагает купчина. Что же делать, не терять же день? Приходится соглашаться. Наругавшись, наиздевавшись, Чуваша едет домой и, уплетая ватрушки, повествует семье о своих делах. И все сочувственно кивают головами: „Ах, и умный же у нас Константин Егорыч!"

„Искра" № 19, 1 апреля 1902 года.

Кострома

...В августе месяце в „глухих местах" нашей губернии, по р. Вичуге, был большой переполох. Один рабочий, приехавший из Н.-Новгорода, при-

вез с собой несколько штук прокламаций. Они быстро пошли по рукам, но скоро попали к урядинку, а потом к Кемпе. Голубые *) нагрянули и обыскали челов. 20. Виновника тоже обыскали и при нем нашли две прокламации, но так как он лежал в больнице, его не арестовали. Около этого же времени усердно, но безуспешно, искали одного интеллигента, некоего Щеколдина.

Место это дикое, и подобных историй там не бывало испокон веку. Теперь все от мала до велика об этом заговорили. Среди хозяев паника: „вот, мол, и к нам крамола забралась!“ а серый народ начинает шевелиться и думать. Спасибо голубым „агитаторам по неволе!“

„Искра“ № 30, 15 декабря 1902 года.

Ярославль

1902 год прошел в Ярославле крайне бурно, аресты продолжались весь год... В январе после разброса листков Ярославского Комитета РСДРП были произведены массовые аресты студентов... Затем было взято несколько наборщиков и служащих в редакц. газ. „Сев. Край“... Великим постом были новые аресты среди рабочих, которых было всего взято около ста человек. В феврале, кроме листков с.-дем. Ком., стали выходить еще прокламации студенческого Комитета. Одна из них была обращена к офицерам и, говорят, имела среди них большой успех. По студенческому делу в феврале были взяты трое лицеистов, но скоро выпущены. В апреле были

*) Жандармы (прим. составителя).

грандиозные обыски и аресты по делу Сев. Рабочего Союза и студенческой организации.

... 29 августа, во время народного гулянья, рабочие сильно побили заведующего сыскной полицией пристава Петровского и некоторых шпионов и городовых. Для усмирения рабочих были вызваны войска (фанагорийцы), но дело обошлось без кровопролития.

„Искра“ № 30, 15 декабря 1902 года.

Открытое письмо в „Искру“

Важнейшей задачей настоящего времени Северный Раб. Союз считает объединение российской соц.-дем. в партию, существующую фактически, не только номинально. Уверенность в благоприятных результатах объединительного движения могла стать общей, могла расшевелить местные комитеты и вывести их из доселе замкнутого состояния малопродуктивной, исключительно местной работы лишь после того, как экономизм, оппортунизм и прочие факторы нашей неурядицы стали стыдливо прятаться по немногим, еще не вполне освещенным углам. Такое положение вещей, позволяющее русским революционным соц.-демократам с надеждою смотреть на будущее и побуждающее их к работе с удвоенной энергией, создано в значительной степени, если не всецело, организацией „Искры“ и „Зари“ и ее литературными органами. Сев. Союз, будучи всецело солидарен с принципиальной и тактической частью программы „Искры“ и „Зари“ и с брошюрой Ленина: „Что делать?“ и, за малыми, быть может, исключениями с организационными их взглядами *), признает „Искру“ и „Зарю“ органами

*) Сев. Рабочий Союз считал возможным сохранение таких объединенных областных организаций, каким был Союз (прим. составителя).

РСДРП. Вместе с тем, Сев. Союз берет на себя задачу всяческого содействия организационной работе настоящего ОК в деле объединения и укрепления Росс. СДРП...

Северный Рабочий Союз.

„Искра" № 34, 15 февраля 1903 года.

Кострома

В конце января была стачка на фабрике Кашина.*) Бастовало около 500 человек прядильщиков. Требовали увеличения платы и времени для чая и завтрака. Забастовка продолжалась 4 дня. Арестовано семь рабочих. Требования отчасти удовлетворены, и арестованные по требованию забастовщиков освобождены.

„Искра" №. 36, 15 марта 1903 года.

Кострома, 25 мая

На бумаготкацкой фабрике Бельгийского Акционерного Общества**) заработок ткачей всегда был крайне низок (не больше 30—35 коп. в день). После пасхи они решили перейти с поденной платы на сдельную, надеясь вырабатывать больше. Вместо этого заработок пал до того, что 15 коп. стали считаться солидным заработком. Заработок взрослых женщин не превышал 9½ коп. в день (!). Помимо того, администрация стала переводить с менее сложных работ на более сложные, сохраняя прежний расценок. Рабочие обратились к фабричному инспектору, но тот заявил, что „это не его дело". В ночь на 1 мая были распространены местным Комитетом майские листки. 5 мая

*) Ныне льнокомбинат имени В. И. Ленина (прим. составителя).

**) Ныне фабрика „Знамя труда" (прим. составителя).

рабочие оставили работу и толпой человек в 500 отправились к губернатору, требуя его вмешательства. Тот предложил им уйти на фабрику и выбрать депутатов. Рабочие отказались, боясь, что их арестуют. 6 мая губернатор был на фабрике и говорил с рабочими. Рабочие потребовали увеличения расценков и удаления одного из директоров, человека очень грубого. 7 мая ждали обещанного губернатором ответа, но его не последовало, и рабочие отправили к нему депутатов. 8 мая пронесся слух, что рабочие, отправленные к губернатору в качестве депутатов, арестованы. Часов в 11 толпа рабочих, человек в 500, собралась около фабрики товарищества; среди них было много женщин. Произошла первая стычка с полицией. Какой-то пристав вступился за избитого рабочими директора, замахнулся шашкой на одного из стачечников. Тотчас его избили и отбросили в сторону. Отправились к губернаторскому дому. Оказалось, что губернатор уехал. Крик „да здравствует свобода“ был здесь подхвачен громким „ура!“. Рабочие через весь город прошли к тюрьме освободить арестованных, но тюремная администрация уверила их, что рабочих депутатов (арестовано 15 чел.) у нее нет. Шествие отправилось дальше. Около полицейского управления раздалось „ура!“ и взвилось красное знамя; пели „марсельезу“, по рукам ходили прокламации, женщины выкидывали красные платки. Отбить знамя полиции не удалось, но около часу дня ей удалось разогнать толпу. Началась дикая расправа. В избиении приняли участие подоспевшие солдаты (несколько рот). Рабочих били, связывали веревками и отправляли в участки и губернское управление. Избиение продолжалось в губернском управлении на гла-

зах присутствовавших тут чинов местной администрации... Здесь имел место такой эпизод: приводят женщину в последней стадии беременности. Жандармский полковник Кемпе грубо ее спрашивает: „как твоя фамилия?“, та отвечает: „сам брал, сам и должен знать фамилию“ (так отвечали многие рабочие). „Я тебя в тюрьме сгною, такая-сякая!“—„Не боюсь тюрьмы, все равно на воле с голоду умирать!“ В ответ на такую „дерзость“ работница получает от озверелого Кемпе пощечину... К 15 мая арестованных было 60 рабочих и 2-3 интеллигента.

Имевшая место стачка-демонстрация особенно интересна, во-первых, тем, что главная роль в ее организации принадлежит самим же рабочим, а во-вторых, ярким проявлением в ней тех особенностей переживаемого момента, которые простую, мирную стачку неминуемо превращают в настоящую политическую демонстрацию. Впечатление от бывшей демонстрации громадно. Ярославским Комитетом выпущена прокламация об этих событиях...[4])

* * *

Следующие, более новые сведения, заимствуем из одного частного письма. „...8 мая рабочие устроили по городу манифестацию со знаменем, песнями и прочими атрибутами. Прошли через весь город, отбиваясь от полиции и жандармов, до острога, где много сидит их товарищей, и обратно. Примыкали к демонстрации и посторонние лица, арестованы двое студентов. Во время манифестации были многие жестоко избиты, и одна женщина восемнадцатого числа от побоев умерла в больнице. Вызванные войска не принимали участия в усмирении... После этого до 19

мая все было спокойно. В этот же день к стачечникам по окончании работ примкнули рабочие других фабрик — Кашина, Зотовых и Чумакова. Квартиры администрации фабрики были разгромлены, полиция и жандармы смяты. Приехавшего для увещания губернатора встретили градом камней. Фабрика была занята войсками. На рассвете другого дня полиция принялась за аресты: вламывалась в дома и забирала всех. Тюрьма, части и кладовые полны арестованными, жестоко избитыми и, говорят, даже оставленными без пищи.

„С этого дня схватки идут каждую ночь. Все фабричные кварталы страшно озлоблены. К рабочим выходят на помощь ремесленники и мелкие торговцы. Третьего дня полуроту солдат, пошедшую на штыки, встретили таким градом камней, что солдаты опрометью бежали на фабрику. У восставших имеется более 20 охотничьих ружей и много отнятых у полиции револьверов. Мостовая на Солдатской и Власьевской улицах разобрана, и камни пошли в качестве оружия. Убито несколько жандармов, сильно избит один офицер. На фабрике, говорят, было четыре трупа рабочих, кроме того, на улицах многие получили смертельные раны. Убит один лавочник во дворе своего дома выстрелом городового через забор. Сегодня ночью были слышны залпы.

„Виновники беспорядков, бельгийцы-директора, по настоянию губернатора, убрались из Костромы. Что будет дальше, не знаю, но если правда половина того, что рассказывают про действия жандармов и полиции, то вряд ли скоро утихнет озлобление рабочих, теперь направленное исключительно против этих мерзавцев. Рабочие терпят большую нужду“.

* *
*

Из третьего сообщения о тех же событиях:

В январе 1903 года была сделана попытка понизить заработную плату; это вызвало забастовку части рабочих в половине марта, но дело было улажено мирным путем и довольно скоро. Кроме того, были выписаны на фабрику новые машины для узорчатого тканья, на которых костромские непривычные к ним ткачи вырабатывали очень мало: так, при расчете посдельно получили за 2 недели по 1½ руб. Вначале рабочие хотели уладить дело мирным путем и отправились к губернатору, но его не оказалось дома, тогда пошли к вице-губернатору, тот вышел и поговорил с ними, но никаких результатов рабочие не добились.

Утром 20 мая войска выступили из Костромы в лагери. В Костроме два батальона — один из них уехал в Ярославль, другой в Нижний-Новгород; осталась только конвойная команда. 20-го же, около 9 часов вечера, рабочие с Б. М.*) начали собираться на улице недалеко от фабрики, к ним присоединились рабочие с соседних двух фабрик — т-ва бр. Зотовых и т-ва Костр. льняной мануфактуры, так что образовалась толпа около 5000 человек.

Прежде всего, прервали телеграфное и телефонное сообщение с городом (фабрика стоит на окраине города), потом выбрали камни из мостовой, запаслись кирпичами с находящейся недалеко постройки, и все это полетело в здания, принадлежащие фабрике, перебили все окна.

В одиннадцатом часу прибыла конвойная ко-

---

*) Костромская Большая Льняная мануфактура (прим. составителя).

манда и отряд городовых. На другой день прибыли обратно в Кострому две роты; на третий еще одна. Беспорядки продолжались по вечерам с девяти часов еще 22-го и 23-го. Солдаты стреляли в воздух, но все-таки есть раненые с той и другой стороны — у рабочих было несколько револьверов. Ранено несколько человек, совсем непричастных к делу. В настоящее время фабрика охраняется солдатами. Аресты рабочих продолжаются. По некоторым сообщениям, 21-го на улице был выкинут красный флаг.

„Искра“ № 42, 15 июня 1903 года.

Кострома

О здешних майских событиях мы уже сообщали в № 42. Кое-какие новые сведения заимствуем из доставленного нам письма.

Последовавшие за демонстрацией 8 мая аресты и упорство хозяев окончательно взбесили рабочих. В конце-концов толпа 20-го вечером бросилась ломать забор и разбивать квартиры директора и других представителей фабричной администрации. Разгром, говорят, произведен страшный: выбили стекла, высадили рамы и двери, разбили всю мебель и т. д. Грабежа не было: рабочие ничем не хотели воспользоваться, но зато ничего не захотели оставить и фабрикантам. Озлобление страшное. Фабричных корпусов, машин и вообще ничего другого, кроме жилых квартир, не тронули. Администрация фабрики хотела бежать из города, но ее полиция до расчета с рабочими не выпустила и принудила переселиться в гостиницу. Для усмирения „бунта“ были вызваны войска. (Надо заметить, что оба батальона уже ушли в лагерь, и в городе в тот день оставалось уже очень мало солдат. Гуляв-

шие в тот вечер на бульваре наблюдали такую сцену. Музыка неожиданно оборвалась на какой-то пьесе, и музыканты опрометью бросились бежать с эстрады; оказалось, что они получили приказ немедленно стать под ружье и итти к фабрикам). Сначала пугали толпу холостыми залпами, затем, когда раздались возгласы, что солдатам не приказано убивать, что они не имеют права и т. д., было произведено несколько боевых выстрелов, которые и рассеяли толпу. Многих ранили. Упорно держатся слухи о 10 убитых, но администрация тщательно скрывает трупы... Затем разгромы и стычки с войсками повторялись в два следующие дня, главным образом, по вечерам, после смены. Толпа уже стали отбиваться от солдат*) камнями (разобрали мостовую на Солдатской улице), кольями и т. п. В толпе была масса рабочих и с других фабрик, кроме бельгийской. Рабочих охватило страшное одушевление и, как только кончилась смена, они целыми толпами бежали к „бельгийке". Останавливавшим обыкновенно отвечали: „там льется кровь, там наших братьев убивают!" Конечно, эти разгромы имели своим последствием массовые аресты. Дело, вероятно, будет разбираться, как уголовное, в судебной палате. Теперь, кажется, стало спокойнее, но работа на бельгийке еще не возобновилась. Попечительство о домах трудолюбия открыло временную столовую для безработных. До этого нужда и голод были страшные. Общество отзывалось туго, да и нельзя было сноситься с районом, оцепленным войсками. Всякого постороннего, появлявшегося на улице, немедленно забирали.

„Искра" № 43, 1 июля 1903 года.

*) Спешно вызвали из Ярославля весь батальон.

EN AVANT

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія

ВПЕРЕДЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

№ 1 ЖЕНЕВА, 4 ЯНВАРЯ (22 ДЕКАБРЯ) 1905 г.

Выходившая в 1905 году газета „Вперед“ была большевистской газетой. В редакцию ее входили только большевики. Руководил газетой Ленин, причем он не только писал в газете руководящие статьи, но и сам обрабатывал большое количество помещаемых корреспонденций. Вышло 18 номеров газеты. Первый номер датирован 4 января 1905 года (по новому стилю), последний номер—18 мая 1905 года. Газета выходила за границей и в Россию доставлялась тайно.

Газета „Вперед“ сыграла большую роль в политическом и организационном оформлении большевиков, в подготовке III съезда партии.

III съезд партии в специальной резолюции отметил громадную революционную работу газеты „Вперед“ и выразил благодарность ее редакции. После III съезда партии вместо газеты „Вперед“ стала выходить газета „Пролетарий“.

Конференция комитетов

Недавно состоялись три конференции местных комитетов нашей партии: 1) четырех кавказских, 2) трех южных (Одесский, Екатеринославский, Ни-

колаевский) и 3) шести северных (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Северный и Нижегородский). Надеемся вскоре привести подробные данные об этих конференциях. Теперь же ограничимся сообщением, что все три конференции категорически высказались за немедленный созыв III съезда партии и за поддержку литературной группы „большинства".

(Н. Ленин)

„Вперед" № 1, 4 января (22 декабря) 1905 года.

РЕЗОЛЮЦИИ КОНФЕРЕНЦИИ СЕВЕРНЫХ КОМИТЕТОВ [5])

Резолюция о Центральных учреждениях партии

Конференция комитетов северного района, выслушав подробные отчеты делегатов, констатирует, что Центральные учреждения не явились политическими руководителями Партии в переживаемый Россией важный исторический момент. Запоздалую же попытку Центральных учреждений стать во главе Партии, выразившуюся в „новом" плане Центрального органа и ЦК, конференция признает крайне неудачной и не может согласиться с той тактикой, которую рекомендуют Центральные учреждения. Ввиду этого конференция комитетов сев. района 1) предлагает литературной группе Ленина обратиться к Партии с манифестом и объяснительным письмом о задачах Партии в данный исторический момент, исходя из резолюции, принятой конференцией по данному вопросу, и 2) выражает свое недоверие Центральным учреждениям как политическим руководителям Партии.

Резолюция о съезде

Комитеты сев. района (Петербургский, Московский, Северный, Тверской, Нижегородский, Рижский), ознакомившись подробно с положением дел в Партии, приняли следующую резолюцию: „Принимая во внимание, что 1) за съезд высказалось большинство старых и наиболее значительных организаций; 2) со стороны Центральных учреждений измышляется целый ряд препятствий к созыву съезда, как-то: постановления Совета, явно третирующие Партию; раскассирование организаций, агитирующих за съезд; непечатание в ЦО целого ряда резолюций комитетов большинства; искажение ЦК-м в его агитации против съезда фактов (например, заявление Нижег. комитету о том, что Одесский комитет взял обратно свою резолюцию за съезд, и ряд аналогичных заявлений о других комитетах), странный рост числа необходимых для созыва съезда голосов (с 13 в апреле до 17 в ноябре),—принимая все это во внимание, конференция северного района постановила: обратиться в ЦК с официальным запросом, готов ли ЦК взять, наконец, на себя немедленно созыв экстренного съезда, и просить дать в двухнедельный срок прямой ответ на данный запрос.

Передачу этого заявления ЦК и получение от него ответа конференция комитетов северного района поручила делегату петербур. ком-та. Резолюция принята единогласно.

Резолюция о литературной группе Ленина

Рассматривая литер. группу, руководимую тов. Лениным, как орган, выясняющий принципиальную позицию большинства второго партийного

съезда не только в вопросах организационных, но и программных и тактических, конференция комитетов северного района приветствует ее выступление и высказывает пожелание, чтобы данная группа расширила свою деятельность изданием пропагандистских брошюр и периодических бюллетеней. Отношение к данной группе центральных учреждений партии вызывает со стороны конференции комитетов сев. района самый резкий протест.

Резолюция о приглашении представителя ЦК на конференцию сев. комитетов

Конференция комитетов сев. района, рассмотрев официальное предложение ЦК о приглашении его представителя на свои заседания, приняла след. резолюцию:

Ввиду того, что данная конференция является частным совещанием комитетов сев. района,— приглашение ЦК для нее формально не обязательно. Принимая же во внимание, что 1) принципиальная позиция ЦК вполне определилась, 2) отчеты ЦК о положении дел в партии известны представленным на конференции комитетам и 3) ЦК, уклонившись от политики партийного большинства, не может уже содействовать объединению партии, что составляет одну из задач конференции, — принимая все это во внимание, конференция комитетов сев. района постановила предложение ЦК о приглашении его представителя на заседания конференции отклонить.

Резолюция о бюро

Принимая во внимание: 1) фактическое отсутствие идейного и практического центров, объеди-

няющих отдельные комитеты в общепартийной работе; 2) крайне ненормальные внутрипартийные отношения, — и видя единственный выход из этого в созыве III съезда, конференция ком. сев. района выбирает особое бюро, поручая ему: 1) немедленную организацию съезда, предоставляя ему право в случае отрицательного ответа со стороны ЦК на предъявленный ему конференцией запрос объявить себя Организационным Комитетом. Время открытого выступления бюро в качестве Организационного Комитета конференция предоставляет усмотрению бюро; 2) идейное и практическое объединение партии вокруг принципиальной позиции большинства, как одно из средств подготовки к съезду (издание и распространение литературы, распределение партийных работников, объединение местной работы). Конференция считает, что бюро должно объединить вокруг себя все комитеты большевиков.*)

„Вперед" № 2, 14 (1) января 1905 года.

Кострома

Петербургские события **) отразились стачечным движением и среди здешних рабочих. На 30-е января ожидалась вооруженная демонстрация. В Иванове стачка была только на одной ситцепечатной фабрике и на двух механических заводах. Рабочих избили, человек 15 арестовали, и через два дня стачка прекратилась. В с. Кохме, около Иванова, забастовала одна фабрика; требо-

---

*) Само собою разумеется, что бюро, выбранное северными комитетами, окончательно конституируется лишь по соглашению с уполномоченными южных и кавказских комитетов. Ред.

**) Выступления петербургских рабочих после 9 января 1905 года (прим. составителя).

вания только экономические; из них мелкие удовлетворены, директор, по требованию рабочих, уволен; не удовлетворено требование 8-часового рабочего дня и т. п. В Ярославле надежды на стачку нет, но общая пропаганда и агитация заметно оживились и стали успешнее.

„Вперед“ № 8, 28 (15) февраля 1905 года.

Резолюция Северного Комитета

Принимая во внимание то, что ЦК доказал свою полную неспособность понять важность переживаемого исторического момента и своей деятельностью только способствовал деморализации партии, упорно отказываясь от организации съезда и систематически подрываясь под созидательную работу партии, — Сев. К. поручает ОК (БКБ) *) созыв съезда, долженствующего положить конец междоусобице и разрешить ряд вопросов, выдвинутых последним годом борьбы пролетариата с самодержавием и капиталом.

Начало февраля 1905 года Сев. К. РСДРП.

„Вперед“ № 8, 28 (15) февраля 1905 года.

Кострома

На фабрике Чумакова забастовало 200 человек. Тотчас сделана уступка: повысили плату на 2 р. в месяц. У Зотова тоже бастовали, но недолго. Фабричный инспектор обещал „рассмотреть“ требования рабочих. Рабочие требовали 8-часового дня, повышения платы, свободно избранных комиссий для разрешения недоразумений и для установления расценков, вежливого обращения устройства яслей, родильного приюта и врачебной помощи, отмены штрафов и обысков и т. п.

---

*) Бюро комитетов большинства (прим. составителя).

Стал завод Прянишникова. На Бельгийской фабрике, у Кашина и др. сильное брожение.

Первые дни выпускались соц.-дем. бюллетени чисто-экономического характера, потом начали выяснять связь между экономической и политической борьбой. У ворот фабрик произносились агитационные речи чисто политического характера и раздавались листки. К 6-му февраля общее число забастовщиков дошло до 4000. Провести политические требования не удается.

„Вперед“ № 9, 8 марта (23 февраля) 1905 года.

Ярославль

15-го февраля на заводе Смолякова рабочие (около 120 чел.) заявили, что прекращают работу и до тех пор ее не возобновят, пока не будут удовлетворены их требования. По телефону была приглашена уездная полиция и фабричный инспектор. Рабочие избрали 8 депутатов и остались на улице, а депутаты были позваны в контору. Там они заявили требования: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) отмена обысков, 3) вежливое обращение администрации с рабочими и 4) повышение заработной платы на 20 проц. Управляющий фабрикой г. Смоляков объяснил, что дела фабрики очень плохи: и без того штат служащих уменьшается. Если рабочие не хотят, могут не работать, но требования их удовлетворены не будут. Попытки фабричного инспектора покончить дело примирением не удались. Хозяин заявил, что если законодательным порядком будет уменьшен рабочий день, то он немедленно этому подчинится, а без того на уступки не пойдет. После этого рабочие мирно разошлись. На другой день было вывешено объявление, что число рабочих часов уменьшается на получас.

Обыски вместо ежедневных будут производиться не более 4 раз в месяц в дни, избранные администрацией, и что будут приняты меры для устранения грубого обращения. Человек 6-7 отказались от солидарности с товарищами, немедленно приступили к работе, а остальные начали совещаться. Управляющий заводом заявил, что больше заводчик ни на какие уступки не пойдет. Небольшая группа настаивала на забастовке, но большинство решило уступить, выговорив только не вычитать из заработной платы за прогульный день.

Ростов-Ярославский

16-го февраля рабочие Кекинской фабрики *) забастовали в количестве 800 человек, в том числе женщины и дети. Не примкнули к забастовке только рабочие чесального отделения. Требования следующие: 1) увеличение заработной платы на 20 проц.; 2) выдавать квартирные деньги по 1 р. 50 к. в месяц; 3) беременные женщины должны получать половину платы за все время, пока остаются дома после родов; 4) заболевший рабочий получает половину заработной платы за все время болезни; 5) уменьшение рабочего времени для денных—вместо 11½ час.—10 час.; 6) кончать работу перед праздниками вместо 9 час. веч. в 7 час.; 7) улучшить и удешевить продукты фабричной лавки; 8) чтобы никто из забастовавших рабочих не был расчитан. Исправник обещал полную гарантию от вмешательства полиции. Стачка прошла удивительно единодушно. Все требования, за исключением первого, удовлетворены. Впечатление хорошее, большой подъм духа, даже у женщин, чего

*) Ныне фабрика Рольма (прим. составителя).

раньше никогда не замечалось. Забастовка продолжалась 2 дня.

Рыбинск

В мастерских М. В. Рыб. ж.-д. 3 дня продолжалась стачка. Был выставлен ряд требований местного характера. Часть их удовлетворена. За несколько времени перед забастовкой рабочих, когда до Рыбинска дошли вести из Петербурга о 9 января, жандармский полковник Левандовский приходил в мастерские и убеждал рабочих не бастовать, а если у них есть какие-нибудь нужды, изложить их письменно и подать ему.

Рабочие соц.-дем., ознакомившись с тем, что произошло в Петербурге 9-го января и в последующие дни, а также и с отношением к комис. Шидловского [6]), вынесли след. резолюцию: „Мы, организованные рабочие г. Рыбинска, обсудив те условия, которые вызвали отказ наших петербургских товарищей от участия в комиссии Шидловского, выражаем им свое одобрение. Будучи вместе с ними убеждены в том, что улучшение положения рабочего класса невозможно без свержения самодержавия, считаем необходимым созыв учред. собр. на основе всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права".

„Вперед" № 12, 20 (16) марта 1905 года.

Кострома

В начале марта Костромская группа Северного Комитета устроила собрание организованных рабочих. По конспиративным причинам присутствовали далеко не все, но более 30 человек. Один товарищ говорил на тему— „Севастополь и Порт-

Артур“. Другие на злобы дня. Принята единогласно следующая резолюция:

„Мы признаем РСДРП единственной представительницей и выразительницей интересов пролетариата всей России. Мы приветствуем последнее открытое и решительное выступление пролетариата Петербурга и многих других городов на борьбу с самодержавием, царским гнетом и всем современным строем. Мы уверены, что объявление Кавказа на военном положении и назначение туда наместника с особыми полномочиями не только не ослабит наших кавказских товарищей, но наоборот придаст им еще больше энергии и мужества в их отчаянно-смелой схватке с царской кликой и кровопийцами-капиталистами. Мы считаем комиссию Шидловского последней и неудачной попыткой царского правительства заигрывать с рабочими. Закрытие этой комиссии доказывает, что между царем и сознательным пролетариатом России не может быть хотя бы и временного перемирия. Царь или пролетариат, самодержавие или учредительное собрание на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Мы относимся с презрением к царскому манифесту. Нас глубоко возмущает трусливое и рабское поведение петербургских и московских земцев, которые приветствуют эту жалкую царскую подачку. Только продажные души наших либералов могут удовлетвориться такими грошевыми уступками.

Мы признаем, что только посредством вооруженного восстания мы сможем вырвать власть из когтей двуглавого хищника и добиться той свободы, которая нам так необходима для более успешной борьбы за освобождение всего человечества от гнета капитала“.

Эта резолюция была встречена долго не смолкавшими возгласами: „Долой самодержавие! Да здравствует революция!“

„Вперед“ № 12, 20 (16) марта 1905 года.

Кострома

Обсуждали с рабочими, представителями кружков, некоторые пункты из тактического листка нашего бюро. На одном собрании присутствовало 7 представителей (6 рабочих, 1 интеллигент). Решено: 1) Вопрос о ЦО *). Указывалось рабочими, что „Искра“ **) недоступна пониманию рабочих, а между тем она называется ЦО партии. „Социал-Демократ“ рабочим понятен, но он считается газетой для рабочих. Выходит, что ЦО назначается не для рабочих. ЦО должен быть один и понятный для всех, или хотя бы для большинства членов партии. За эту резолюцию высказались все 6 рабочих; напротив, интеллигент находит этот вопрос недостаточно выясненным. 2) Определение членства в партии. Единогласно принята резолюция: по нашему мнению, наша партия состоит из разнообразных с.-д-ских организаций, и кто не входит в какую-либо из партийных организаций, будь он хоть профессор, тот не может считаться членом партии. 3) Отвергая забастовку, как средство добиться социалистического строя, мы признаем политическую всеобщую забастовку, как средство мобилизовать свои силы, навести панику на буржуазию и силой вырвать у нее уступки. В России забастовка

---

*) О центральном органе (прим. составителя).

**) Речь идет о меньшевистской „Искре“ (прим. составителя).

считается преступлением, в забастовщиков стреляют. Необходимо вооруженной силе противоставить вооруженную силу. Нельзя теперь заготовить оружие для всех. Но отдельные отряды должны быть вооружены, тогда легче будет во время восстания напасть на арсеналы и пороховые погреба и достать оружие для всех. Вооруженное восстание должно быть строго организовано. Резолюция гласит: „Мы признаем вооруженную политическую забастовку. Она может превратиться в вооруженное восстание. Для оружия нужно оружие. Организация ответственна за неудачное восстание".

В другом кружке присутствовали, по непредвиденным обстоятельствам, лишь 3 рабочих и пропагандистка-меньшевистка. 1) В вопросе о ЦО вполне солидарны с резолюцией, принятой в первом кружке. 2) Вопрос о § 1 устава также разделяют. Пропагандистка задала вопрос, почему не считать членами партии людей, которые хотя и не входят в организацию, но помогают партии, например, дают квартиры для собраний. Рабочие указали, что квартиру могут дать и либералы, квартиру можно нанять и за деньги. Партия должна быть организована, ее члены напременно должны входить в партийные организации, иначе мы не можем установить точных границ партии, и может произойти смешение понятий партии и класса. Меньшевистка тогда заявила, что если так понимать § 1 Ленина, то она с ним согласна. 3) Признают необходимость вооруженного восстания. Предлагают заменить выражение „для оружия нужно оружие" выражением: „только посредством оружия мы можем достать оружие". Рабочие жаловались на отсутствие единой, сильной, крепко сплоченной организации. Если бы

таковая была, стачки возникали бы не так стихийно, случайно, а можно было бы вызвать их, назначить и провести одновременно и повсеместно; тогда и успех получился бы больший.

Далее привожу выдержки из протоколов рабочего кружка организаторов: § 5. Мы, рабочие, представители рабочих кружков, в полном своем составе единогласно постановили: выразить протест местному „меньшинству“ за непризнание им партийной дисциплины и за нежелание подчиняться решениям большинства голосов местной организации. § 6 (единогласно). Мы, рабочие-организаторы, признаем необходимость немедленного созыва экстренного 3-го съезда и предъявляем следующие требования: 1) чтобы он непременно уладил внутрипартийные дела; 2) чтобы он выработал новые методы и формы борьбы в связи с изменением положения дел в России; 3) он должен объединить под знаменем РСДРП все другие с.-д. партии и организации, с которыми мы не расходимся в программе и тактике (напр., Бунд, ПСД, армянск., латышск., литовск. с.-д. орган)... Все решения принимаются на съезде большинством голосов, решения большинства съезда обязательны для всех членов партии.

Предлагаем „Вперед“ эти резолюции напечатать...

„Вперед“ № 13, 5 апреля (23 марта) 1905 года.

Ярославль

Положение рабочих на всех трех табачных фабриках очень тяжелое. Всего рабочих около 800 человек. Большая половина мужчины, главным образом, из окрестных деревень, остальные женщины. Страшно низкий культурный уровень и собачьи условия жизни сильно мешают соц.-дем.

работе. Но все же животворно-революционное учение Маркса радостно принимается рабочими. О здешней форме борьбы с капиталом можно судить по следующему рассказу рабочего:

„Набиваем мы, а сил нет уж совсем: сухо, формы узки, малы. Просим приказчика: сделай милость, перемени формы, а то тяжко. А он нам: „Не сдохнете, чай“. А мочи прямо нет. Ну вот, я и решил действовать, как следует. Станок мой за печкой, и меня не видно, вот я еще присел, да как крикну: „Бросай работу, ребята! Не помирать же!“ Кричал я так, кричал, глядь, один за одним и повыходили из-за станков. Ну, шум, натурально. Пришел хозяин, приказчик: „Что вам, ребята?“—„Так и так, мол“. А приказчик Подчищалов его поддерживает. Ну, мы тоже уперлись, и переделал подлец формы“. Дальше таких мелких столкновений борьба пока не идет, хотя приказчик Подчищалов такой мерзавец и подлец, что рабочие его собираются бить...

Лучше идут дела среди типографщиков. Это интеллигентный, развитой народ.—„На вас, как на передовых рабочих, лежит задача организации ваших отсталых товарищей, и только рядом с вами, рука-об-руку, мы добьемся свободы. Нам не на кого надеяться. Наша надежда — это мы сами — рабочий класс“. Когда эти слова были произнесены агитатором на собрании, то все, как один человек, заявили: „Да, это так! Мы понимаем это. Мы будем работать“. И сейчас же один наиболее развитой товарищ развил мысль о необходимости организации для того, чтобы рабочие и глухих углов, вроде Ярославля, могли оказать поддержку восставшим товарищам крупных центров“.

„Вперед“ № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 года.

LE PROLETAIRE

Пролетарій

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Газета „Пролетарий“ являлась центральным органом партии после III съезда РСДРП. Центральный комитет партии, избранный на III съезде, назначил ответственным редактором „Пролетария“ тов. Ленина. Тов. Ленин вел газету фактически с тем же составом руководителей, что и газету „Вперед“. Газета выходила за границей, с 27 мая (по новому стилю) по 25 ноября 1905 года.

Вышло 26 номеров газеты.

Ярославль

Рабочий праздник *) прошел оживленно. Далеко за городом состоялись два массовых собрания с общим числом участников до 600 чел. В горячих речах ораторы выяснили значение майского праздника, говорили о тяжелом положении рабочего класса, указывали, что только с оружием в руках рабочий будет в состоянии сбросить царское иго, ненавистное для всего русского народа.

После речей рабочие двинулись в город с красным знаменем и пением „марсельезы“ и, проходя

---

*) 1 мая (прим. составителя).

подгородные деревни, раздавали крестьянам майские листки...

Не доходя до города, рабочие мирно разошлись, а прискакавшим вскоре казакам ничего более не оставалось, как удалиться. Зато в самом городе казакам удалось отвести душу на учащихся. Под вечер группа учащихся (студентов, семинаристов и гимназистов) на 30 лодках, разукрашенных красными флагами и лентами, каталась по Волге и стала петь революционные песни. По распоряжению губернатора казенный пароход отчалил от берега, чтобы рассеять учащихся. Но ввиду неповоротливости все усилия его оказались безуспешными: пение продолжалось. Тогда был отправлен паровой казенный катер, который, врезавшись в середину лодок, одну из них опрокинул. Возмущенная молодежь высадилась на берег и с красными флагами и пением отправилась по городскому бульвару. Демонстрантов было около 100 человек; гуляющая публика, преимущественно чистая, поспешно улетучилась. Пройдя с полверсты (до ресторана Бутлера), демонстранты увидели себя окруженными казаками; началось дикое избиение, с остервенением, направо и налево, и правого, и виноватого. Некоторые жестоко пострадали...

„Пролетарий“ № 2, 3 июня (21 мая) 1905 года.

Кострома

Как только узнали о всеобщей забастовке [7]) в Иваново-Вознесенске, местная группа стала готовиться вызвать ее и в Костроме. Отчасти это нам и удалось. Третий день бастуют рабочие Т-ва Новой Костромской льнопрядильной м-ры Ф. Кашина. На ней свыше 6000 рабочих. Это самая большая фабрика в Костроме. 18-го февраля она

не бастовала. Условия труда на ней лучше, чем на всех других здешних фабриках. Забастовка эта произвела большое впечатление на всех местных рабочих. По чисто местным условиям работы к ней не могли тотчас же присоединиться рабочие других фабрик. Надеемся, что через несколько дней станут и другие фабрики, если только кашинцам удастся удержаться несколько дней...

Чтобы вы имели хоть приблизительное представление о положении рабочего класса в Костроме, приведу кое-что из условий жизни рабочих на фабрике Кашина. Заметьте, что эти условия лучше, чем на других фабриках. Вот что пишет рабочий сушильного цеха:

„Работа сушильщиков производится на двух сменах... Так как сушильщики не успевают подрабатывать всю пряжу, то им приходится работать сверхурочную работу. С 4-х часов утра они работают до 7-ми часов. В праздник они работают с 4-х часов утра до 8-ми и 10 часов вечера, т. е. это будет 18 часов без обеда и без отдыха..." Заработок — нищенский. Многие вырабатывают 8 рублей в месяц. Обращение возмутительное. За каждый пустяк — штрафы, расчет.

При фабриках имеется лабаз. Рабочие получают не деньги, а продукты. Выдача производится с таким расчетом, что рабочие получают больше, чем они вырабатывают. Таким образом, рабочие — вечные должники фабрикантам. В случае тревожного настроения рабочих лабаз ничего не выдает. Так, на Зотовской фабрике (около 3000) теперь из лабаза не выдавали, и потому зотовцы затрудняются присоединиться к забастовке.

Теперь несколько слов о забастовке. 20-го обсуждали с организаторами призывной листок к всеобщей забастовке. 21-го состоялось собрание

организованных рабочих Кашина (25 чел.). Рабочие представили листок. Тут же его обсуждали, и были выработаны требования. Рабочие других фабрик также после предварительного обсуждения представили листки с требованиями. 22-го, в воскресенье, было устроено общее собрание организованных рабочих. Присутствовало свыше 100 рабочих — далеко не все организованные. Забастовка решена окончательно. Было произнесено несколько речей. Говорил и один рабочий-кашинец. Речь его произвела большое впечатление. Тут же были выработаны добавочные требования.

23-го утром на кашинской фабрике забастовали. 24-го директор предлагал рабочим стать на работу, тогда только он их выслушает. Фабричный инспектор говорил на тему, что теперь, мол, война, не время бастовать, нужно подождать, призывал к терпению. После инспектора стал говорить наш товарищ. Тут инспектор, увидев оратора, громко сказал: „Я его знаю, это — студент такой-то“. Тут часть рабочих заволновалась. „Не нужно нам студентов, мы не бунтовщики!“ Но их скоро успокоили, объяснив, что это не студент, а рабочий другой фабрики. К сожалению, не знаю фамилии этого провокатора-инспектора.

Нашего оратора слушала толпа человек в 800. Затем пошли останавливать фабрику Зотова. Но не удалось, так как тем ничего из лабаза не выдали.

Сегодня — массовка. Чувствуется недостаток в рабочих-агитаторах.

За последние дни выпущены 9 листовок в количестве 4295 экземпляров.

„Пролетарий“ № 5, 26 (13) июня 1905 года.

Кострома

Работа с каждым днем поправляется. При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь двенадцать. В среднем рабочих в кружке от 8 до 25 человек. Вчера в одном кружке было 59 да 10 еще не пришло. Но это объясняется тем, что завтра ждем стачки. Массовки каждое воскресение. На первой было 30, на последних свыше 100 человек. Приходят далеко не все организованные рабочие.

„Пролетарий“ № 6, 3 июля (20 июня) 1905 года.

ОТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ ГРУПП СЕВЕРНОГО КОМИТЕТА

В конце июня состоялась конференция групп Северного Комитета[8]). В ней приняли участие следующие организации: 1) Бюро Северного Комитета; группы: 2) Ярославская, 3) Костромская, 4) Иваново-Вознесенская, 5) Рыбинская, 6) Ростовская и 7) Вологодская. Периферии групп Ярославской, Костромской и Иваново-Вознесенской были представлены особыми депутатами. Центральный Комитет послал на конференцию своего представителя.

Был принят следующий порядок дня:

I. Отчеты: а) о III съезде, б) о положении дел в партии, в) о положении дел в группах.

II. План дальнейшей работы в районе Северного Комитета: 1. Разделение на комитеты; 2. Вопрос о конференции комитетов Северного района; 3. Постановка местной работы: А. Аппарат конспиративно-организационный: а) комитет (состав его и положение рабочих в организациях); б) автономные периферийные организации; в) остальные периферийные группы. Б. Аппарат открытого вы-

ступления. В. Аппарат подготовки вооруженного восстания: а) работа среди войск; б) создание особых групп.

III. Ближайшие политические задачи.

Представитель ЦК сделал отчет о III съезде и положении дел в партии, описав в последнем докладе организацию общепартийной работы и выяснив отношение ЦК к отколовшейся части партии*) и к выборам в Государственную Думу. Затем были представлены отчеты групп. В общем они сводились к следующему.

Кострома

Центральная группа состоит из 5 человек (4 интеллигента и 1 рабочий). Разделение функций следующее: пропагандист, агитатор, организатор, техник и секретарь. Кроме того имеются: кружок организаторов (6 рабочих), пропагандистов (10 человек), агитаторов (4 интеллигента и 3 рабочие). Организованных рабочих около 150 и в Кинешме 15. Профессиональных революционеров 4. Месячный бюджет от 300—400 рублей. Литературы за полгода было около ½ пуда: легальных библиотек мало. Еженедельно происходят массовки от 100—150 человек; иногда выступают ораторы в сквере, где собираются рабочие. Листовки на гектографе и мимеографе издаются от 10 до 12 раз в месяц (всего в месяц до 6000 экз.). Среди крестьян листки распространяются. Учащихся объединено в кружки до 200 человек. За июнь было 5 собраний в общественных местах (было на них около 50 раб.), 2 из них организованы с.-д., на всех остальных с.-д. выступали.

*) Речь идет о меньшевиках (прим. составителя).

Сверх 10 пропагандистов имеются еще 2 кружка для подготовки пропагандистов. Занятия ведутся по екатеринославской программе (с сокращениями) в 13 кружках, состав которых, однако, непостоянен. Группа поддерживала иваново-вознесенскую стачку людьми, деньгами (300 р.) и револьверами. Сношений с Бюро Северного Комитета почти не существовало, и с февраля группа существует самостоятельно.

Отчет Бюро Северного Комитета

Сорганизовалось вновь с октября 1904 года. С января по июнь изданы следующие листки: 1) К солдатам — 10000, по поводу 9-го января. 2) К рабочим — 5000, по тому же поводу, в типографии Рыбинской группы. 3) Ко всем рабочим — 10000 — в типографии ЦК. 4) и 5) Первое мая (листки „Вперед“ и С. К) — 7000. 6) Ко всем (об избиении 1-го мая) — 1000. 7) К солдатам (о войне) — 2000. 8) К железнодорожным рабочим — 1000. 9) К рабочим Корзинкинской фабрики — 3000. 10) К ив.-вознесенским рабочим — 5000. 11) К ярославским рабочим (об ив.-вознесенской стачке) — 1000. 12) Ко всем ярославским рабочим (призыв к стачке) — 2000. Всего — 47000, в типографии Северного Комитета.

Печатаются листки ЦК „О последнем морском поражении“ и „О депутации земцев к царю“.[9])

На гектографе (от 10—12 названий, главным образом, перепечатки) издано до 3000. В Иваново-Вознесенск на стачку передано около 500 рублей. За последнее время Бюро Северного Комитета слилось с ярославской группой и весь район за отсутствием сил и литературы обслуживало относительно слабо.

Ярославская группа

Работа началась совершенно заново с октября 1904 года. Среди общества велась довольно интенсивно, и результаты в смысле подготовки работников (пропагандистов) и средств сказываются. Состоит группа из 6 человек: пропагандиста и агитатора, организатора, техника, секретаря, литератора и члена без определенных функций. Учащихся организовано около 100 человек, ими устроено 3 демонстрации: 21 февраля, 21 марта, (принимало участие несколько тысяч человек) и 1-го мая. Районные комитеты имеются за Волгой (5 раб.), за Костромой*) (9 раб.); ремесленный (9 раб.) и фабричный (7 раб.) Рабочих организованных около 110 человек, профессиональных революционеров 3. Пропагандиста 4 и около 12 кружков. Сильный недостаток в квартирах для кружковых занятий. Намечаются около 9 агитаторов-рабочих. Массовки были 1) до 1-го мая, 2) 1-го мая, 3) и 4) на Троицу. Посещало их до 150 человек. Бюджет 300 — 400 руб. в месяц. Листки издавались совместно с Северным Комитетом.

Отчет Иваново-Вознесенской группы

Положение дел к 1 июля. Центральная группа состоит из 4 местных рабочих (за отъездом провалившихся во время стачки), районных комитетов 6 (один из них женский и один в Кохме), от 5—6 рабочих в каждом. Фабричных комитетов (человека по 4) около 15—20. Пропагандистов и агитаторов нет. Организованных рабочих около

---

*) Здесь, повидимому, следует читать „за Которослью“ (прим. составителя).

600 человек. Бюджет 80—100 руб., исключительно из 2% отчислений рабочих. Имеется боевая группа. Организованная окружная организация охватывает Шую (с 25 тыс. рабочих, 30 организованных), Кохму (8 тыс., 80—организованных), Тейково (10 тыс. и 20 организованных), Середу (6 тыс. и 30 организованных), Вичугский район (около 30 тыс. и 30 организованных). Всего организовано около 200 человек. Делегат сделал подробный отчет о ходе иваново-вознесенской стачки, которой руководили с.-д. (через депутатов, из которых $^2/_3$ были с.-д), и им удалось придать ей ярко политический характер.

После отчетов конференция решила, что в интересах дела необходимо вместо одного руководящего центра (Северного Комитета) установить три—в Ярославле, Иваново-Вознесенске и Костроме. Представитель ЦК на основании данных ему полномочий утвердил с 1-го июля комитетами группы Ярославскую с Ростовом, Вологдой и Рыбинском, Костромскую с Кинешмой и Иваново-Вознесенскую с Шуей, Владимиром, Кохмой, Тейковым, Середой и Вичугским районом. Северный Комитет считается упраздненным.

По вопросу о конференции комитетов Северного района постановлено:

„Конференция групп Северного Комитета, исходя из резолюций III съезда о периодических конференциях партийных организаций и ввиду целого ряда неотложных дел, затрагивающих интересы всего Северного района, разрешение которых неподсилу отдельным комитетам (издание областного органа, группа разъездных агитаторов, областная типография, организационно-технические вопросы, связанные с подготовкой вооруженного восстания, и др. и, наконец, разработка

плана ближайшей политической кампании) —приглашает комитеты: Архангельский, Московский, Тверской, Нижегородский, Тульский, Воронежский, Ярославский, Костромской и Иваново-Вознесенский собраться в ближайшем будущем на конференцию комитетов Северного района. Центральный комитет приглашаем*) послать на конференцию своего представителя. Конференция предлагает Н комитету взять на себя организацию этой конференции". Перейдя к обсуждению вопроса о постановке местной работы, конференция нашла, что вся работа должна распадаться на три главные части: аппарат конспиративно-организационный, аппарат открытого выступления и аппарат подготовки вооруженного восстания.

По вопросу о составе комитетов вынесена следующая резолюция:

„Принимая во внимание, что в настоящий революционный момент, при наличии сильного движения среди самых широких слоев рабочего класса, крайне необходимо:

1) возможно более тесное общение комитетов со всеми организованными рабочими и

2) возможно более полная осведомленность комитетов о настроении рабочих масс, — конференция групп Северного Комитета считает необходимым:

1) чтобы комитеты состояли, главным образом, из товарищей, занятых непосредственной организационной работой среди пролетариата, т. е. организаторов отдельных районов и крупных фабрик и заводов, причем кандидаты в районные и

---

*) В оригинале „предлагает", повидимому, опечатка (прим. составителя).

заводские комитеты намечаются организованными рабочими района или завода;

2) чтобы комитеты обратили особое внимание на подготовку возможно большего числа политических руководителей из среды местных организованных рабочих...

Для подготовки возможно большего числа политических руководителей из местных организованных рабочих конференция рекомендует комитетам: а) постоянно и регулярно ознакомлять все периферийные организации с положением дел в партии; б) прежде чем остановиться на определенном плане политической кампании, подвергать его, за исключением экстренных случаев, подробному обсуждению в периферийных организациях; в) на собраниях всех групп вести периодические обзоры главных событий русской действительности".

Затем конференция обсуждала вопрос об автономных периферийных организациях и выясняла их отношение к К-ту. Резолюции вынесено не было, но конференция высказалась в том смысле, что руководство всей местной с.-д. работой входит в обязанность К-та. В вопросах пропаганды он устанавливает план и программу ее, распределяет силы, в вопросах агитации вырабатывает общий план политической кампании и дает главные директивы и агитационные лозунги, в вопросах организационных намечает общий план организации, разделяет город на районы и организует там районные комитеты, составленные из представителей Комитета и заводских комитетов. Они ведут автономно всю организационную работу в районе, проводят в жизнь организационный план К-та. Они же руководят профессиональной организацией в районе, повседневной борьбой

труда с капиталом, организуют массовки, распространение листовок и т. п. При организации пропагандистских кружков кружки высшего типа организуются комитетом, остальные районными комитетами. Заводские комитеты ведут автономно организационную работу на заводах. Перейдя затем к вопросу об остальных периферийных организациях, конференция сочла „желательным, чтобы группы пропагандистов и агитаторов могли предлагать официальных кандидатов на функции ответственного пропагандиста и ответственного агитатора в комитете, которые кооптировались бы простым большинством“. Предложение же, по которому этим группам (проп. и агит.) давалась автономия при распределении сил в пределах их работы, вызвало много прений и не было принято, причем голоса разделились поровну.

По вопросу об открытом выступлении были приняты следующие резолюции:

„Конференция, признавая, что в настоящий момент перед партийными организациями выдвинулся тактический вопрос об открытом политически-классовом выступлении пролетариата под знаменем социал-демократии, настоятельно рекомендует партийным работникам организовать открытые массовые выступления, с одной стороны, для целей непосредственного политического напора на самодержавие и завоевания революционным путем демократических свобод, с другой — в целях влияния на широкие массы еще бессознательных рабочих и вообще народа. Такие открытые выступления должны быть организованы в различных формах, начиная с открытой идейной проповеди представителей партии пролетариата и кончая широкими уличными демонстративными шествиями, митингами, народными со-

браниями, вплоть до вооруженного восстания пролетариата“. „Для проведения в жизнь резолюции III съезда об открытом политическом выступлении РСДРП конференция предлагает комитетам организовать параллельно районным и заводским комитетам особые группы открытого выступления.

Эти группы имеют целью:

а) открытую пропаганду идей научного социализма, опираясь на библиотеки из легальных книг;

б) использование легальных и полулегальных рабочих союзов и собраний для проведения планов и директив Комитета;

в) организацию открытых рабочих митингов и рефератов“. (Текст последней резолюции восстановлен на память).

По вопросу об организации аппарата для подготовки вооруженного восстания конференция, выслушав, между прочим, доклад о деятельности боевой группы в Иваново-Вознесенске, вынесла следующую резолюцию:

„Конференция групп Северного К-та, исходя из резолюции III съезда о вооруженном восстании и общего настроения пролетариата в районе Комитета, считает необходимым организовать при каждом комитете особую боевую группу, составленную из членов местной организации, причем представитель ее должен входить в местный комитет...“

Резолюция о работе среди войск

Конференция групп Сев. К-та считает, что в настоящий момент в высшей степени важно завязать постоянные связи с солдатами и усилить агитацию среди них. Для этого конференция

предлагает комитетам образовать особые группы для работы среди войск. Конференция считает, что целесообразнее завязать прочные организационные связи с отдельной воинской частью, чем иметь одиночные связи с целым рядом их; что же касается агитации, то необходимо вести ее как можно шире, причем для распространения листовок желательно организовать особые группы из солдат. При ведении агитации конференция рекомендует широко распространять: 1) легальную литературу; 2) сведения о всех случаях открытого восстания и нарушения дисциплины среди войск; 3) листки на темы из солдатской жизни, выясняя в них связь между солдатами, с одной стороны, и рабочими и крестьянами, с другой, и подчеркивая общие требования социал-демократов; 4) письма к солдатам от родных и обратно, наиболее ярко рисующие картины народных волнений и усмирения их.

Кроме пропагандистского и агитационного воздействия на солдат, необходимо организовать открытые политические выступления самих войск как по отношению к представителям военной и гражданской власти в форме протеста, стачки, демонстрации и т. д., так и по отношению к восставшему пролетариату и крестьянству, в форме оваций, посылки сочувственных адресов и депутаций, приурочения своего выступления к пролетарскому. Особенное внимание необходимо обращать на то, чтобы открытые выступления войск не отгораживались от общей политической жизни страны, а сливались бы с пролетарским и общегражданским протестом так, чтобы на митингах, народных собраниях, в уличных демонстративных шествиях войско составляло часть политически действующих граждан.

Конференция обращает, наконец, внимание всех комитетов на необходимость при ведении постоянной работы среди пролетариата знакомить тех организованных рабочих, которые подлежат еще отбыванию воинской повинности, со способами работы среди солдат и особенно стремиться к тому, чтобы партия не теряла с ними связей во время их службы.

Последним конференция обсуждала вопрос о выработке плана политической кампании в связи с выборами в Государственную Думу. Один из делегатов подробно ознакомил конференцию с основными чертами булыгинской конституции.[10]) Конференция приняла план Центрального Комитета, сводящийся к бойкотированию (активному) выборов. Был констатирован недостаток подходящей нелегальной литературы и предложено ЦК создать и распространить ее по комитетам. Комитетам предлагалось подробно разработать содержание агитационной кампании, наметив 4-5 главных тем, немедленно же выпускать листки и одновременно разбирать эти же темы на массовках и в пропагандистских кружках: наметить список книг (легальных и нелегальных), трактующих вопросы, затронутые в листках и массовках, и широко эти книги распространять. Сверх того, пользоваться всяким собранием рабочих (при выходе из фабрик, в местах их гулянья и т. п.) для выступления ораторов, разбрасывания листовок. Выделен (из Н комитета) разъездной агитатор и намечены места для устройства для него массовок (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кохма, Середа, Вичугский район, Тейково, Кинешма, Ярославль).

В заключение конференция высказала пожелание, чтобы ЦК озаботился доставкой в комитеты

периодических изданий других партий и фракций для своевременного ознакомления комитетских работников с положением революционного движения в России.

„Пролетарий“ № 10, 2 августа (20 июля) 1905 года.

Из деятельности Центрального Комитета

По поручению ЦК сообщаем краткие сведения о его работах: 1) При содействии Центрального Комитета была организована конференция групп Северного К-та, решения которой печатаются в этом номере. 2) При содействии ЦК был организован съезд пропагандистов, который принял резолюцию об издании популярного органа „Рабочий“; составлено две пропагандистских программы для кружков высшего и низшего типа, намечены брошюры к перепечатке, организована разъездная группа пропагандистов. 3) Все эти постановления, за исключением постановлений чисто конспиративного характера, ЦК посылает в гектографированном виде по комитетам. 4) Организованы Северное и Южное Бюро ЦК, организуется Восточное и Северо-Западное.

Об изданиях ЦК сообщим в следующем номере.

„Пролетарий“ № 10, 2 августа (20 июля) 1905 года.

Кострома

6-го июля рабочие всех фабрик и заводов собрались в сквере против фабрики Михина. Было до 5000 человек. Стали вырабатывать общие требования. Сознательные настояли внести требование 8-часового рабочего дня. Затем собранием депутатов вынесена резолюция: „Мы, забастовавшие рабочие, ручаемся за спокойствие, тишину

и порядок и за неприкосновенность личности фабричной администрации, а также требуем, чтобы в нашу мирную забастовку не вмешивались войска и полиция". В сквере стали распространять бюллетень издания Костромского Комитета. Черная сотня (организованная, главное, директором фабрики Кашина) заговорила: „Политиканы уже бросают политические листки, — еще выкинут красное знамя! За них и нас перепорют. Пойдем на фабричный двор и обсудим одни, как вести забастовку". Более темные рабочие согласились и стали отделяться, но организованные стали убеждать, и к вечеру кашинские снова присоединились. А что касается депутатов*), то они скоро соединились вместе с другими депутатами и решили бороться до конца.

На другой день общее собрание рабочих было переведено на берег реки Костромы; собралось тысяч восемь; речи больше экономические, хотя сквозь экономику сквозила политика. Депутаты (108 чел.) решили выбрать народную милицию из 110 человек; затем выбрана финансовая комиссия (12 человек), и четверо тотчас отправлены с ярлыками на свою функцию. Когда сборщик Андрей Савинов был арестован, депутаты потребовали его освобождения, что и было исполнено. Задержали только ярлыки. Тогда депутаты послали протест полицмейстеру, ответ еще не получен. В городскую управу депутаты послали требования единовременной ссуды. На 9-е июля фабрикантами сделано объявление: пусть рабочие приходят за получкой, а кто не хочет работать, будет рассчитан. Депутаты решили никому расчета не брать,

---

*) Речь идет о депутатах, избранных рабочими для руководства стачкой (составитель).

а за получкой не ходить; а чтобы кто не пошел за получкой, депутаты запретили конторам выдачу расчета. Фабриканты согласились, но Зотов заявил так: кто хочет получать получку или расчет, то пусть возьмет разрешение у депутатов. Настроение у массы хорошее, на посулы и подачки фабрикантов не так-то скоро пойдут.

9-го июля вечером за городом состоялся митинг. Над собранием развевалось два знамени: черное с красной надписью „9-е января" и красное. Произнесены две речи, у многих слезы на глазах. С одним рабочим под влиянием горячей страстной, полной озлобления речи случился нервный припадок. Заключительные слова ораторов „Долой самодержавие" дружно подхватывались и эхом разносились далеко по окрестным лесам. Возвращались с пением и знаменами. Перед городом произнесена краткая речь, знамена убраны, вернулись в город кучками.

Рабочий.

„Пролетарий" № 11, 9 августа (27 июля) 1905 года.

Кострома, 19-го июля

Костромская стачка, длящаяся уже три недели, имеет громаднейшее значение. Бастующая масса под давлением социал-демократии выделяет из себя демократические органы, которые очень скоро легализируются, становясь официальными, всеми признаваемыми центрами. Губернатор говорит с председателем депутатского собрания, фабриканты против своей воли говорят со всеми депутатами, дума обращается к депутатскому собранию рабочих с официальными бумагами и запросами. Сегодня утром было столкновение между полицией пригородных сел и милицией.

и полиция с милицией вели переговоры через парламентеров. Как депутатское собрание, так и милиция останутся после стачки. То и другое находятся не только под влиянием социал-демократии, но прямо-таки в ее руках. Каждые 8 дней происходят собрания трех категорий: депутатское, общее и массовое (иногда до 15 тысяч) на „Костромке“ (р. Костромка) за клейным заводом. Депутатские собрания проходят очень оживленно. Общее массовое собрание привлекает все более и более публики. Здесь говорились сначала речи исключительно экономического характера, потом, когда масса была взята в руки, материал и освещение стали другими. Теперь говорятся уже политические речи, хотя и не всегда откровенные. Собрания „за клейным“ стали уже всем известным местом, где произносятся исключительно социал-демократические речи. Собрания очень популярны. „Там уж больно откровенно да правильно сказывают“,—говорят рядовые рабочие.

Депутатское собрание по предложению социал-демократов обратилось с заявлением в Костромскую городскую управу. В заявлении предлагалось сейчас же созвать экстренное заседание думы для ассигнования безвозмездной суммы в пользу нуждающихся стачечников. Дума тотчас же была созвана. Решено открыть кредит рабочим 1000 рублей; та же дума образовала особую комиссию с целью „произвести давление на обе стороны“ — фабрикантов и рабочих. Эта комиссия пригласила депутатов от рабочих для того, чтобы подробно познакомиться с требованиями стачечников. В начале собрания председатель губернской земской управы Соколов произнес глупейшую речь о том, что комиссия взяла на себя „трудную и ответственную задачу“ умиротворить

стороны, для чего должна „встать на две точки зрения“ — фабрикантов и рабочих. Далее Соколов самым откровенным образом заявил, что рассказы рабочих о 8-часовом рабочем дне — „турусы на колесах“. Депутаты от рабочих отвечали сильно, резко, с достоинством на буржуазную аргументацию „либерального“ Соколова (участвовал в последнем московском съезде земцев). Особенно хорошо говорил рабочий Яхонин. Глухо, но в то же время резко, своеобразно искренним тоном он отпарировал выходки Соколова. Из женщин говорила Белова. Она просто, неподдельно и сильно рассказала про „женское житье“. В конце заседания говорил один товарищ как „представитель социал-демократической секции депутатского собрания“. Он бичевал равнодушие думы к рабочему вопросу. Только теперь дума вспомнила о „рабочих“, только теперь, когда рабочий класс своим наступательным криком и грозным нашествием доказал, что он — главный творец жизни,— только теперь дума, эта дряхлая буржуазная старуха, закачала примитивной головой на социальную „оказию“. Несколько десятилетий стонал рабочий класс, а дума пребывала в „благородно-созерцательной позе“. Мы на ваше посредничество не смотрим, как на третейский суд, ибо мы вас не выбирали. Но мы все-таки требуем от вас, чтобы вы вышли из своего созерцательного настроения и произвели давление на фабрикантов. Другая ваша обязанность состоит в том, чтобы произвести давление на правительство. Авангард костромского пролетариата сознательно поставил себе широкие политические задачи. И вся ваша обязанность не ограничиваться парадными словами о „желательности“ политической свободы и рационального фабричного за-

конодательства, а произвести давление на правительство не легальными петициями, а „преступными действиями“. Речь не пришлась по вкусу комиссии.

„Пролетарий“ № 14, 29 (16) августа 1905 года.

Кострома

На михинских воротах красовалось объявление, подписанное старшим фабричным инспектором. Он объявил, что фабриканты Михин, Кашин и Зотов предлагают начать переговоры с депутатами рабочих.

Однако фабрикантам и инспектору нужно выудить таких депутатов, которых можно было бы гладить против шерсти. Им надо, чтобы депутатам было по 25 лет, а не моложе. Оно и понятно,— молодые депутаты не так легко сдаются, как семейные, связанные семьей и забитые семейной жизнью. Им надо, чтобы депутат служил на фабрике не меньше года. Им надо, чтобы выбраны были люди, не разгибавшие спину по 30 лет, а не молодые, которым нечего терять и которые будут грудью отстаивать интересы не только свои, а всех бастующих рабочих. Им, нашим грабителям, надо знать про депутатов всю подноготную, чтобы выловить всех честных, преданных людей и наметить бы наших предателей — „черносотенцев“, для которых нет ни святого дела, ни братской любви, ни честной трудовой борьбы. Однако эту думу думали не одни фабриканты. Ихним пособником был наш губернатор Князев. Это он их науськал сделать так, чтобы лучше было выловить лучших, преданных нам депутатов. Сам губернатор к нам не обращается; однако он за

спиной фабрикантов строит нам свои полицейские ловушки.

Мы порешили всей массой позвать на Костромку фабричного инспектора Горбунова. Мы хотели заставить его перед всем рабочим народом рассказать да растолковать обстоятельно все, что он напечатал в листке. „Не пойду и не выйду я к рабочим!"— ответил нам инспектор. Еще бы! Ведь, он знает, что весь народ сразу увидит, что инспектор такой же кровопийца, как и наши фабриканты. Да и с какой рожей бы пришел он к нам? Ведь, он прежде приходил к нам, но для того, чтобы лаяться на рабочих. А теперь, когда рабочие сплотились одной каменной стеной, не посмел бы лаять на них и заерзал бы, как хитрая лисица.

Костромской Комитет РСДРП (из бюллетеня № 3).

Кострома

В моей корреспонденции из Костромы, помещенной в № 6 „Пролетария" *), имеется одна фраза, которая может быть истолкована — и некоторыми действительно истолковывается — не в том смысле, какой она действительно имеет. Эта фраза следующая: „При моем приезде сюда тут было три кружка пропаганды, теперь их 12". Можно подумать, что увеличение числа кружков поставлено в зависимость и связь с моим пребыванием здесь. Между тем, этой неудачной фразой я хотел лишь указать, что за последние 2—3 месяца на моих глазах количество кружков быстро возросло.

15 июля 1905 года.

„Пролетарий" № 16, 14 (1) сентября 1905 года.

---

*) См. стр. 73. Сборника (прим. составителя).

Дружный натиск рабочих на капиталистов и правительственную власть заставил их пойти на переговоры.

Эти переговоры были начаты под давлением губернатора. Правительство подбивало фабрикантов скорее показать вид, что уступают, а исподтишка так же выжимать сок из рабочих, как и прежде. И вот фабриканты вывесили объявление, в котором заявляют, что в депутаты должны итти 25-летние люди, служащие не менее 1-го года. Если бы так сделать, то из наших депутатов пришлось бы исключить почти всех наиболее передовых и сознательных товарищей. Правительство и фабриканты хотели посеять рознь между депутатами и всей массой, но это им не удалось. Вся масса, как один человек, заявила, что кто выбран в депутаты, тот пусть так и остается. Капиталисты увидали, что масса не сдается. Они решили начать переговоры на тех условиях, на которых захотели рабочие.

Фабриканты начали изо всех сил стараться, как бы опутать депутатов. Но товарищи-депутаты отбивали всякие нападения. Фабриканты предлагают заключить с ними договор теперь же. Депутаты говорят, что мы будем делать то, что скажут все рабочие, а сейчас, не думавши, не станем ничего делать. Фабриканты говорят, что они вывесят объявления в конторах о своих уступках. Депутаты говорят, что это тоже уловки: разобьют наши издеватели всех по конторам, а там глядишь, бабы или малосознательные товарищи, не подумавши хорошенько, да под наветами „черной сотни“ или полиции, согласятся работать. Депутаты сказали, что уступки фабрикантов сначала

надо обсудить всей массой на Костромке, а потом уж и расклеивать. Что же нам уступили наши „благодетели“? Рабочий день сбавили на час, да расценки повысили. Расценки повысили только на четверть того, что мы просили. Но это как-никак уступки. Все-таки помазали по губам. А все остальные требования наши не уважены. Штрафы так же будут драть, женщины так же будут мучиться и бедствовать без помощи во время родов, обращаться будут с нами так же грубо, как и прежде. За забастовочные дни не заплатят, даже и за те четыре дня, за которые прежде хотели заплатить.

Мы просили, между прочим, чтобы наши депутаты были и действовали не только во время стачки, чтобы мы могли через них давать нашим кровопийцам отпор. На это нам сказали, что, дескать, не в нашей власти, хотя мы этому сочувствуем. Лицемеры! Они сочувствуют, а на властей смотрят. Правительство не хочет, чтобы у нас были депутаты, правительство любит только „черную сотню“.

„Пролетарий“ № 17, 14 (1) сентября 1905 года.

Кострома

Одновременно с этой корреспонденцией вам посылается отчет К-та о костромской всеобщей забастовке. Я посылал вам много корреспонденций, но они почему-то не появляются в „Пролетарии“: очевидно, не доходят. (Все, что доходило, печаталось. — Ред.).

Наша работа после стачки вступает в новый период... Прежде мы вербовали наиболее революционную публику для организации в пропагандистские и агитационные группы и кружки, мы устраивали массовки и летучки; делали, как мы

здесь выражаемся, „налеты“ на случайные массовые собрания рабочих и агитировали. Это было время мобилизации революционных элементов и их идейного воспитания.

Всеобщая стачка всколыхнула всю рабочую массу; открытая широкая агитация перевернула традиционное мировоззрение „фабришных“ и делала из них пролетариев. А такие демократически-руководящие или боевые организации, как „депутатское собрание“ или „рабочая милиция“, выделили много новых активных элементов. Нашлись сознательные рабочие, но не было крепкой организации, которая бы служила опорой при различных политических выступлениях. Теперь, после напряженной организационной работы, план организации представляется в следующем виде: Комитет, районные комитеты (2), фабричные комитеты (пока 3), собрания организованных товарищей каждого цеха.

„Пролетарий“ № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 года.

Резолюция Костромского комитета[10])

Ознакомившись с полученным в № 101 „Искры“ заявлением Плеханова, что он может представлять интересы нашей партии в Международном Социалистическом Бюро только в том случае, если этого пожелают обе фракции, Костромской комитет считает нужным по этому поводу высказать свое мнение. Совершенно не касаясь того, что формально Плеханов, находясь вне партии, не может представлять ее интересов, Костромской комитет находит, что деятельность Плеханова за последние два года полна беспрерывных шатаний и все время служила интересам заграничного кружка в его борьбе с нарождающейся

партийностью. Лишь в самое последнее время Плеханов отказался от совместной работы с Мартыновым и мартыновцами, но у него нехватило мужества опять вступить с партию и занять в ее рядах определенное место. Его политическая неустойчивость, по нашему мнению, является следствием его оторванности от живой русской действительности, от действительной партийной жизни и отражает в себе временные настроения и колебания женевской кооптационной политики. В частности, на Амстердамском конгрессе Плеханов, участвуя в коллегии представителей, фактически представлял не партию, а лишь меньшинство и заграничную ее часть и протестовал, когда большинство партии также хотело быть представленным на конгрессе, хотя бы в меньшинстве. Костромской комитет не имеет никаких оснований полагать, что впредь деятельность Плеханова пойдет по другому направлению. А между тем роль российского представителя в Междунар. Соц. Бюро в настоящий момент крайне ответственна. Комбинация революционных действий и вообще политическая ситуация в России в значительной степени обусловит революционную активность западного пролетариата для совершения социалистической революции. Теперь уже настает время, когда вопрос совместных политических действий международного пролетариата приобретает жгучее практическое значение.

(Так как же, — спрашиваем мы партийных товарищей, — в этот напряженный момент можно поручить представительство партии человеку, девиз которого — „дипломатия", культ — „свои женевские друзья"?) Не принижая революционной роли российского пролетариата, не принижая его социал-демократических задач, нельзя оставить у

тов. Плеханова право представлять нашу партию в Межд. Соц. Бюро. Ввиду всего сказанного Костромской комитет высказывает свое пожелание, чтоб ЦК наметил представителя, который был бы в состоянии представлять действительные интересы нашей партии.

Абзац в скобках принят 4 против 1. Вся же резолюция единогласно.

„Пролетарий" № 20, 10 окт. (27 сент.) 1905 года.

Всеобщая забастовка в Костроме (3 — 26 июля)

...Революционная природа пролетариата сказалась и в Костроме, несмотря на все благоприятные для самодержавия и буржуазии условия, несмотря на все их усилия усыпить льва. Рабочих в Костроме не больше 15 тысяч. Большинство рабочих — полукрестьяне, еще не оторвавшиеся совсем от земли. Иногородних мало, все больше „ближняки": рабочие малоподвижны, нигде, кроме Костромы да своей деревни, не бывали, живут на фабрике по 20 — 30 лет. Фабрика Кашиных — самая крупная (6 тыс., льняная мануфактура). До этого года на ней никогда не бывало забастовок. Мелкими уступками, наградами, благотворительностью хозяин развращал рабочих. „Черпал с рабочих бочками, а отдавал ложками". Поэтому-то Кашинская фабрика — самая отсталая фабрика: это „костромской Порт-Артур", как прозвали ее сознательные товарищи рабочие. Там до последнего времени был оплот черной сотни. Но жизнь взяла свое. Старый хозяин умер, условия жизни под влиянием войны ухудшались, незначительный заработок скорее понижался, чем повышался. Молодежь воспитывалась совсем в других понятиях, чем старики.

Рабочие стали более чутки к обидам и угнетению. События русской жизни пробуждали политическое сознание в самых отсталых слоях рабочих. Иваново-Вознесенская забастовка раскачала, наконец, и „костромской Порт-Артур“. Первая забастовка у Кашина кончилась скоро и неудачно. Но она всколыхнула всю фабрику. 2-го июля Кашинская фабрика поднялась снова. Организованная директором фабрики Кудрявцевым черная сотня с ножами бросилась на молодежь, останавливавшую машины. Несколько человек было порезано, но забастовка не остановилась и перекинулась вскоре на соседние фабрики, Зотова и Михина (3 тыс. и 1½ тыс.). В городе забастовали ремесленники, мельница и табачная фабрика Чумакова.

Много хлопот стоила Кашинская фабрика руководителям забастовки. Когда на первом общем собрании забастовавших рабочих некоторые товарищи стали раздавать бюллетени местного Комитета (в них не было ни слова политики), то вся масса кашинских рабочих под предводительством черной сотни демонстративно удалилась. „Не надо нам политиканов, они красный флаг сейчас вывесят!“— кричала черная сотня. Громадных усилий стоило вызволить кашинских рабочих из двора своей фабрики, где они начали собираться под руководством черной сотни. Нужно сказать, что в прошлую забастовку человек 50 кашинских рабочих погнались за оратором с кольями и хотели убить „скубента“, и убили бы, если бы не выручили сознательные товарищи. Можно себе представить, каково было положение ораторов—социал-демократов при таких условиях. Главной задачей на первое время они поставили сплотить эту разрозненную массу, заставить почув-

ствовать свои общие классовые интересы. Больших усилий стоило выработать общие требования для всех забастовавших, убедить кашинских рабочих в необходимости выставления 8-часового рабочего дня и женских требований (относительно рожениц); прошло несколько дней, пока, наконец, они привыкли к оратору, пока недоверие к нему стало исчезать. Малейшее слово „политики“ вызывало движение в толпе. Когда, наконец, масса втянулась в борьбу, объединилась в нечто целое, привыкла к общим собраниям, когда администрация, совершенно не вмешивавшаяся в первые дни забастовки, стала проявлять свои заботы о „порядке“, характер речей ораторов изменился, толпа стала слушать политические речи. Кроме ежедневных общих стачечных собраний на р. Костромке, собиравших тысяч до 5, ежедневно по вечерам устраивались социал-демократические массовки (за клейным заводом в версте от города). На них собиралось до 500 и больше человек. В разное время на них перебывало народу не менее тысяч 1½-2 (всего было 20 массовок). Кроме двух ораторов от Комитета, выступали 2-3 местных рабочих. Были выбраны по цехам депутаты. Депутатское собрание состояло из 108 человек, собиралось оно ежедневно перед массовым собранием. Депутатское собрание выделило финансовую комиссию, которая заседала в старой закоптелой сторожке и здесь выдавала нуждающимся чеки в общество потребителей. Из массы выделились волонтеры — милиция, которая дежурила по ночам. У этой рабочей милиции было несколько раз столкновение с полицией. Раз милиция накрыла нескольких полицейских, которые совместно с подмастерьями и несколькими рабочими выстилали полотно на бель-

ник, „зашибали копейку“. И вся эта милая компания обратилась в позорное бегство. Другой раз милиция стояла утром на мосту у р. Костромки и останавливала „зареченских“, уговаривала не ходить работать.

Пристав с грозным видом приказал милиции удалиться, та отказалась. „Я приказываю вам удалиться! — кричал пристав, — мы — полиция!“ — „Мы — милиция!“ — спокойно отвечали рабочие и не думали уходить. Местным Комитетом выделен был на время забастовки „стачечный комитет“ из представителей комитета и рабочих с.-д., принимавших деятельное участие в стачке.

„Стачечный комитет“ обсуждал бюллетени, темы для речей ораторов, фактически руководил забастовкой. Он собирался ежедневно перед депутатским собранием. На нем он проводил свои решения, иногда не без борьбы. За время забастовки было выпущено 8 бюллетеней. Последние 3-4 бюллетеня не ограничивались простым изложением фактов, а давали социал-демократическое освещение им. К бюллетеням в конце рабочие привыкли, читали очень охотно; каждый день спрашивали: „Нет ли экстренных?“

Хозяева согласились собраться и дать ответ на требования рабочих. На общем собрании хозяев и депутатов рабочих фабриканты с удивлением смотрели, как рабочие, которых они не отличали от рабочего скота, с достоинством отвечали на все их возражения против требований, давали отпор на все попытки обморочить рабочих, убедить, что требования их безрассудны, вредны для них самих же. Так, не солоно хлебавши, разошлись наши Кит Китычи после первого собрания. На втором собрании рабочие демонстративно удалились, когда председатель фабрикантов (1 пред-

седатель от рабочих, 1 от фабрикантов) оскорбил их представителя.

Тогда уж фабриканты, минуя депутатов, обратились ко всем рабочим с пространной прокламацией, в которой убеждали их, что требования их чрезмерны, даже безрассудны.

Фабриканты сбавили час рабочего времени (раньше работали 11½ час.), сделали незначительную прибавку. Решено было продолжать забастовку. После этих уступок забастовка продолжалась еще 1½ недели. Но правительство уже оставило свою политику невмешательства. Угрозой выгнать из квартир, лишить воды и дров Кашин заставил работать своих сборновских рабочих (живущих в хозяйской сборной, во дворе, человек 500). Затем при содействии зареченского попа и полиции к сборновским были присоединены зареченские рабочие (по ту сторону Костромки, чел. 300) — самый серый элемент кашинских рабочих. Поведение полиции стало вызывающим. Двор Кашина был переполнен войсками. Полиция и специально нанятые фабрикантом агенты вели самую деятельную агитацию, обманывая, будто уже работает большинство рабочих на фабрике. Затаскивали силой на двор, и отсюда уже трудно было вырваться. Затаскивали даже совершенно посторонних: портных, сапожников, очевидно, для счета. Наконец, так как солдаты были ненадежны *), то были присланы 1½ сотни никогда не виданных костромичами казаков под предводительством пом. пристава Слободского, который клялся перед рабочими, что он умрет за капиталистов **).

---

*) Прислали письмо, что не будут стрелять.

**) Этот Слободской был тяжело ранен кем-то кирпичом после забастовки.

Казаки разъезжали по улицам и пугали народ. Во дворе у Кашина ораторствовал „свой“ оратор—черносотенец. В конце-концов фабрика Кашина раскололась, пришлось призвать остальных кашинских рабочих стать на работу. Ввиду того, что стачка, продолжавшаяся уже 3 недели, истощила силы рабочих, а правительство стало принимать крутые меры, решено было стать на работу всем остальным фабрикам. Рабочие пошли в фабрики, заявивши фабрикантам: „Мы берем то, чего добились у вас, но от своих требований не отказываемся: мы будем готовиться к новой, более упорной борьбе“.

Последние дни масса с большим вниманием слушала на Костромке речи ярко политического содержания. Озлобление рабочих на царское правительство, на его опричнину, казаков и полицию, росло с каждым днем. „Вот, — говорили, — дождались мы от батюшки-царя гостинца, казацкой нагайки“. Казаков встречали со свистом, кричали им: „Квартирные наши доедать приехали! (требов. рабоч.—квартирные деньги). Среди рабочих стала очень популярна песня, привезенная одним товарищем из Иванова, на мотив „Разлуки“:

Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

Песни революционные переняли даже ребятишки. После забастовки по вечерам рабочий квартал оглашается то там, то сям далеко разносящимися по вечернему воздуху звуками марсельезы и варшавянки. Полиция махнула уже рукой. На соц.-дем. массовке, разогнанной казаками после забастовки, было арестовано 8 человек. Когда их вели по рабочему кварталу, толпа отбила их.

Выступление местной либеральной думы в качестве посредника между фабрикантами и рабочими дало богатый материал для развития классового самосознания рабочих. На собрании депутатов и думской комиссии в народном доме после целого ряда пышных либеральных речей думцев выступили рабочие и ярко оттенили буржуазную позицию либералов, их половинчатость и всю мизерность их потуг... Рабочие доказали, что их требования не „турусы на колесах“ (как выразился о 8-часовом рабочем дне „либерал“ Соколов), не мечта, а жизненно необходимая мера для рабочего класса, за которую он будет неустанно бороться.

Всеобщая забастовка разбудила политическое сознание костромского пролетариата и ввела его в семью геройски борющегося российского пролетариата. Трон Романовых рассыпается; один кирпич за другим выпадает из него. Могучим натиском, вооруженным восстанием разнесет его по щепам российский пролетариат и на место самодержавия царя водворит самодержавие народа.

„Пролетарий“ № 22, 24 (11) октября 1905 года.

Кострома *)

11-го с парохода попал прямо на собрание костромского отделения сельскохозяйственного общества. Как потом узнал, собрание продолжалось уже 2 дня, занятое выработкой и формулировкой „крестьянских требований“. Собственно, собрание это было устроено несколькими либералами и на него пригласили крестьян. Были приняты резолюции относительно необходимости конфискации удельных, монастырских, церковных земель и выкупа частновладельческих. Не привожу резолюций, потому что не имею их... В тот

*) Корреспонденция принадлежит тов. Емельяну Ярославскому (прим. составителя).

момент, когда я вошел, председатель, местный либерал г. Спасский, предложил собранию высказаться—баллотировать ли вопрос о выборах в Гос. думу теперь же, или же выяснить его и дать высказаться желающим по этому вопросу. Сам же он стоял за то, чтобы теперь же баллотировать. Собрание высказалось за то, чтобы дать слово ораторам. Слово взял я. Очертивши самую Гос. думу, как попытку поддержать монархию посредством союза с представителями эксплоататорских классов, я обратил внимание крестьян на то, что им некому поручать в этой Думе защиту интересов деревенской бедноты и рабочего класса. Либералам весьма не нравились факты, которыми иллюстрировались доводы в пользу недоверия к буржуазии, хотя бы и либеральной и архилиберальной. В средине речи меня прервал г. Спасский, заявивший, что не может злоупотреблять терпением слушателей. Затем, заявил он, собрание из „семейного“ превратилось в „общеполитическое“, и потому он слагает с себя обязанности председателя и объявляет собрание закрытым. Один из крестьян, как потом выяснилось, кулачок, очень недоволен моей речью, в которой я резко подчеркивал роль мироедов в этих выборах, в частности и в деревенской жизни вообще. „От таких речей,—сказал он,—один только вред крестьянам“. Продолжать собрание было невозможно, так как крестьяне очень торопились уехать и очень устали. Один из крестьян так резюмировал отношение: „Все равно, что ни скажем в деревне: будем ли выбирать, или не будем,—толку от этой Думы крестьянам никакого не будет!“. Вообще же солидарного отношения между крестьянами не было, и более молодые настроены гораздо революционнее и понимают,

что между ими и сидевшими с ними мироедами ничего общего нет. Приехавшие случайно крестьяне просили соц.-дем. литературы для деревни и вообще выражали желание ближе сойтись с соц.-дем. Под конец нам всем прочел лекцию о свободе какой-то освобожденец *) и очень поучал нас, что значит „истинная свобода", которой соц.-дем. не понимают, ибо своими речами не дают высказываться другим. Было смешно и скучно слушать этого либерального болтуна, заехавшего совсем не в свою деревню с выяснением смысла „свободы". Недавно здесь состоялось несколько митингов учащихся, устроенных соц.-дем. Один из них разогнан был казаками, причем были помятые. 5 арестованных освобождены.

Уже 5-й раз устраиваются митинги у заводов при выходе рабочих с фабрики. У Зотовской (льнопрядильная) фабр. сегодня (12-го) состоялся 3-й митинг. Присутствовало человек 500. Говорили о всеобщей политической забастовке, о необходимости теперь же организоваться вокруг рабочей партии и вооружаться для открытого выступления. Слушают очень внимательно, останавливаются очень охотно. Когда расходились, один из рабочих просил „листочков" и очень был недоволен, что оратор пришел без листочков.

„Крестьянская группа" еще очень молодая, но связи у нее есть (не надо забывать, что масса костромских рабочих--окрестные крестьяне) и работа налаживается. Нашей работе в деревне сейчас очень помогает правительство: казацкие насилия и издевательство в деревне (в Моск. уезде) заставляют самых бедных, самых серых мужиков думать о необходимости другого режима, о неизбежности борьбы за иной строй.

„Пролетарий" № 25, 16 (3) ноября 1905 года.

---

*) Член буржуазной группы „Освобождение" (прим. составителя).

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 9

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЧЕТВЕРГЪ 10 НОЯБРЯ 1905 г.

Газета „Новая жизнь“ выходила в дни революции 1905 года, именно, с 9 ноября (по новому стилю) по 16 декабря 1905 года (выпущено 28 номеров). Она выходила легально, в г. Петербурге. Ленин был в числе постоянных сотрудников газеты. Сначала в числе сотрудников и руководителей газеты были не только большевики, но после переезда Ленина в Петербург состав редакции был пересмотрен и руководство газеты перешло целиком в руки большевиков. Тираж газеты был очень большой — доходил до 60—80 тысяч экземпляров.

Газета была закрыта царским правительством; последний номер ее распространялся уже нелегально.

Ярославль. (Корр. „Новой Жизни“)

...Могучая волна стачечного движения коснулась и местных рабочих. Первыми забастовали рабочие ст. Урочь. На следующий день примкнули к ним рабочие и служащие станции Ярославль. Затем началась стачка земских типографских рабочих, которые „сняли с работ“ и остальных типографских рабочих, за исключением типографии губернского правления, где были приняты

экстраординарные меры охраны, вплоть до забаррикадирования ворот и т. п.

В следующие дни к стачке примкнули еще кой-какие мастерские, а 17 числа забастовали рабочие с фабрики Вахрамеева. Образовался Стачечный Комитет. Последний поставил своей задачей провести забастовку на Корзинкиной фабрике, на которой работает более 14 тысяч рабочих, и других фабриках и заводах. Стачечным комитетом главным образом руководил местный комитет Соц.-демократической Рабочей Партии, хотя типографскими рабочими руководили больше социалисты революционеры.

Типографские рабочие выставили сначала исключительно экономические требования. Железнодорожные же рабочие и служащие к экономическим требованиям присоединили политические, В общем программа требований железнодорожных рабочих вполне совпадала с требованиями, выставленными Московским Стачечным Комитетом железнодорожных служащих.

Особенно характерна история стачки в типографии губернского земства. Председатель управы г. Крылов не пожелал даже разговаривать с депутацией от стачечников, а управа вывесила в типографии печатное объявление, гласившее, что тех рабочих, которые не встанут на работы до 12 час. дня, она будет считать отказавшимися от работы, и они могут взять расчет. Конечно, рабочие не встали на работу.

На защиту интересов типографских рабочих выступил профессиональный союз служащих губернского земства. На собрании земских служащих был выработан ультиматум, в котором предлагалось управе немедленно обсудить требования типографских рабочих совместно с представителями

комитета и союза служащих и представителями наборщиков. Управа на это согласилась, а в конце концов согласилась удовлетворить все требования наборщиков. Точно так же были удовлетворены требования и в других типографиях: „Северного Края“, „Ярославского Вестника“...

14 октября губернатор Рогович расклеил по городу объявление с угрозою, что если стачечники будут насильственно прекращать работы на фабриках и заводах, то он для устранения такого рода насилия применит военную силу. Это распоряжение очень ярко обрисовывает его политику, если мы сопоставим бездеятельность г. Роговича во время еврейских погромов и избиения учащейся молодежи (с 18 по 22 число), когда было так много совершено насилий и грабежа и г. Рогович ни одного раза не пожелал применить военную силу для рассеяния толпы черносотенников.

„Новая жизнь“ № 6, 2 (15) ноября 1905 года.

Ярославль. (Корр. „Новой Жизни“)

...Октябрьское стачечное движение захватило и ярославских рабочих, вплоть до Корзинкинской мануфактуры (11—15 тысяч раб.), которая считалась здесь непоколебимым оплотом консерватизма и покорности. Еще до издания знаменитого манифеста,*) корзинкинцы уже стали ходить на социал-демократические митинги. Собираясь отдельно, они вырабатывали и требования, главным образом, экономические, между прочим, требования 8-час. рабочего дня.

26-го и 27 октября остановились работы в некоторых отделениях: забастовало около 4000 рабо-

*) Речь идет о царском манифесте 17 октября (прим. составителя).

чих, а 28-го встали все отделения. Рабочие собирались на митинги по несколько тысяч человек, но слушали ораторов на экономические темы, избегая резких политических речей. С ростом забастовки крепло настроение, и масса революционизировалась. 28-го утром и вечером были митинги, где социал-демократы говорили о современных событиях. Говорил и поп, говорил о христианской любви, о том, что рабочие должны жить в мире со своими хозяевами, говорил, что считает требования рабочих справедливыми, но стачку считает безнравственной и т. п. Кончились его речи тем, что рабочие прогнали попа: „Уходи, — кричали они, — все ты врешь это!“ Некоторые требования рабочих удовлетворены. Для прекращения смуты и митингов были вызваны войска, которые и расположились у фабрики. И теперь только сняли солдатиков.

Сильно волновались рабочие на Смоляковском чугунолитейном зав., на фабрике Вахрамеевых. Сейчас идет стачка на спичечной фабрике Дунаевых, идет очень дружно под руководством с.-д. комитета. То же самое и на Норской мануфактуре, где масса, до сих пор еще в значительной части своей связанная с землей, тоже слушает с.-д. ораторов и втягивается в круг политических интересов.

Были здесь еще забастовки наборщиков, типографщиков и часовщиков, окончившиеся очень удачно.

Рабочая масса рвется на митинги. На воскресенье Ярославский Комитет РСДРП созывает собрание.

Черная сотня немного угомонилась. Видно, ждет инструкций и распоряжений свыше.

Емельян.

„Новая Жизнь“ № 9, 10 (23) ноября 1905 года.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО[11]

Господам членам хозяйственной комиссии и сотрудникам „Северного Края“: В. М. Михееву, В. Н. Эпштейну, В. Н. Ширяеву, П. А. Критскому, П. Я. Морозову и Н. П. Дружинину

Мы бросаем газету из-за черной сотни.

О! Во время погрома мы не бросали редакции на произвол судьбы, не прятались по чужим квартирам, не ухаживали за вожаками громил, не отстаивали их участия в охране города. Нет! Между нашими товарищами есть раненые в то время, как они защищались с оружием в руках. Мы организовали защиту редакции и вооруженные ждали хулиганов. Они не пришли.

Зато пришли вы, господа хозяева, которые обегали редакцию, как чумное кладбище, пока была опасность, и заявили нам, что в погромах виноваты социал-демократы с их неумеренными речами на митингах, повинна свобода революционного слова. Довольно свободы слова! Не раздражайте черной сотни, производящей избиения и грабежи, не упоминайте слова „самодержавие“, обратимся к „благоразумной“ части населения со словами умиротворения.

Мы не допустили позора, чтобы наряду с полицейскими призывами к успокоению организатора всероссийской бойни — Трепова, и местных черносотенцев — губернатора Роговича и казакиста Вахрамеева — появилось продиктованное трусостью воззвание „Северного Края“.

Мы хотели обратиться ко всем гражданам и пролетариату с призывом силой противостоять всяким попыткам контрреволюции. И не только социал-демократы, но и всякий неиспуганный с рождения — мог ли он говорить теперь о чем-либо другом, кроме вооруженной борьбы с остатками самодержавия, видя то, что мы видели?

Что же вы делаете? Ваш председатель, В. Н. Эпштейн, заявляет, что он приостановит газету, которая резкостью тона может вызвать новый погром. Он требует от редактора В. М. Михеева: „Возьмите диктаторскую власть хоть на несколько дней, упраздните редакционный комитет и черкайте все опасные места“. Прежде это делали бы губернаторские чиновники, теперь литератор В. М. Михеев взял на себя постыдную цензорскую роль. Он не только задержал на время слишком боевые статьи социал-демократов („м. б. потом разрешу“), но даже вычеркивал отдельные места, как заправский цензор времен Плеве. Правда, это были слова, что „цензура упразднена волею пролетариата“.

„Волею пролетариата!“ Действительно страшные слова!

Там, где литераторы проводят еще несозданный правительством закон против социалистов, нам не место. Мы уходим, господа хозяева, но помните, что, если легок пух, пущенный полицейскими громилами из перин еврейской бедноты, то тяжела ответственность тех, кто зажимает рот людям, которые хотят крикнуть: „Защищайтесь с оружием в руках“.

Обращайте же „Северный Край“ в либеральную подворотню, из которой можно тявкнуть на пристава довольно храбро, на губернатора — с опаской, на министра — с оглядкой, чтобы во-время

спрятаться при появлении самодержавных казаков, а уж на самодержавие поднять голос нельзя, иначе черная сотня с портретом царя впереди и сыщиками сзади придет и выворотит комоды, разгромит сундуки.

Для нас, пролетариев, интересы литературы — не интересы сундука.

Вот почему мы уходим.

Секретарь Вячеслав Менжинский.

Заведующий областным отделом
Леонид Федорченко.

Заведующий городской хроникой
Владимир Коньков.

Сотрудники: Е. Фальк (Е. Волоцкая), О. Антушевич, Н. Зезюлинский, А. Батуев, П. Пономарев, В. Кириллов, Н. Воронцов, Ал. Метелкин, Фед. Торопов (корректор), Ольга Федорченко (служ. конторы), Григорий Зайцев (экспедитор).

Ярославль, 25 октября. „Новая жизнь“ № 9, 10 (23) ноября 1905 года.

Г. Редактор.

В № 255 „Петербургской Газеты“ сказано, что на Московском съезде крестьян делегат от Ярославской губ., Рыбинского уезда, высказался, что аграрный вопрос не является краеугольным камнем потому только, что местные жители живут отхожим промыслом.

Я не сомневаюсь в том, что рыбинский делегат не был выразителем нужд целой губернии, не сомневаюсь и в том, что он вовсе не был выбран крестьянами, как представитель, уверен, что делегат был послан власть имущими сказать на московском съезде, что вот как у нас: ни аграрного вопроса, ничего прочего — нипочем, все обстоит благополучно, ждут выполнения дарованных манифестом благ.

Но, между прочим, малоземелье, налоги, дорогая арендная плата помещичьей земли гонят нас на отхожие промыслы, и от аграрных брожений не застрахована Ярославская губерния. Манифест 3 ноября нам не дал земли, а нам нужна земля и земля. Оценочная цена крестьянского банка у нас 40 руб. дес., а купить у помещика нужно платить 200 руб. за дес,: где взять для доплаты 160 руб. На Государственную думу надежды мало: каких может дать выборщиков 4 раза профильтрованное крестьянство?

Крестьянин Яросл. губ., Мышкинского уезда, Новоникольской волости

Федор Алексеев.

„Новая Жизнь“ № 22, 26 ноября (9 декабря) 1905 года.

Ростов (Ярославской губ.)

19 и 20 ноября происходили митинги, устроенные Ростовской Группой РСДРП (при Ярослав-

ском ком.). На первом митинге, 19-го, было человек 300. Ораторы говорили о политике правительства со дня издания манифеста, о том, как „неуклонно“ проводятся начала „действительной неприкосновенности личности“, „действительной гражданской и политической свободы“. Говорили о съезде городских и земских деятелей, о партии порядка, о красном и белом знамени. Слушатели были, главным образом, рабочие.

21-го общенародный митинг привлек массу слушателей: зал земской управы был битком набит. Оратор ознакомил собрание с крестьянским союзом, с решениями съезда этого союза и выяснил отношение к нему РСДРП. Было много крестьян, и речь оратора все время прерывалась возгласами: „верно!“, „правда!“ Потом говорили о движении в армии и о тактике пролетариата. Когда кончились речи, была предложена и принята резолюция, в которой говорится, между прочим, что присутствующие на собрании „приложат все силы к тому, чтобы организовать прочный союз городского рабочего класса с деревенскою беднотою для борьбы под знаменем РСДРП за полное экономическое и политическое освобождение“. Особенно интересовались крестьяне, и ораторы все время к ним обращались. В конце митинга раздалось несколько „патриотических“ голосов, но их никто не поддержал.

Второй митинг состоялся благодаря съезду народных учителей и учительниц Ростовского уезда. Обсуждался вопрос о присоединении к всероссийскому союзу учителей и об отношении к крестьянскому союзу. Большинство ораторов говорило о необходимости вступать в ряды крестьянского союза, чтобы помогать ему в его борьбе. Крестьянин-учитель сказал: „Крестьян-

ский союз — несокрушимая каменная гора. Обопритесь об нее, и вы будете несокрушимы". Соц.-дем.— оратор от Группы — указывал на другую задачу народных учителей. Необходимы в деревнях революционные крестьянские комитеты. Пусть теперь же возьмутся за подготовку их — словом и делом. Пусть народные учителя свяжут себя с классом, революционным до конца. Пусть свяжут себя с борьбою Рабочей Партии.

Третьим был митинг приказчиков. Начало союзу уже положено.

На всех митингах было много распространено соц.-дем. литературы, особенно для деревни давали щедро, а крестьяне просили побольше.

Из нескольких окрестных деревень приезжали за ораторами соц.-дем.

Прибавлю еще, что в казармах ростовской кавалерийской бригады митинги устраиваются открыто, и запретить их — значило бы поднять восстание бригады.

„Новая Жизнь" № 23, 27 ноября (10 декабря) 1905 года.

Кострома. (Корр. „Новой жизни")

20 ноября состоялось первое полное собрание Совета Рабочих Депутатов города Костромы; присутствовало до 135 делегатов. Собрание открылось выбором постоянного председателя (товарища Малышева-Пожарного) и двух секретарей.

После весьма оживленного обмена мнений постановлено считать Совет окончательно организовавшимся. Было постановлено в качестве исполнительного органа Совета избрать особую исполнительную комиссию; в нее выбраны трое товарищей с Зотовской фабрики, четверо с Кашиной, один с Чумаковской (махорочной). Выборы

с Михиной пока отложены. Кроме того в комиссию, на правах полноправных ее членов, с правом решающего голоса и в самом Совете решено пригласить двоих представителей от Местного Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии...

Исполнительной комиссии поручено выработать проект устава Совета, а также и Стачечной Кассы, пополняемой из процентных отчислений от заработка. Исполнительной комиссии также поручено издание и редакция постоянного органа Совета „Известий Совета Рабочих Депутатов г. Костромы“.

Идет деятельная организация также и профессиональных союзов.

Собрание делегатов профессионального союза служ. губернского земства от 20 ноября постановило ассигновать 200 руб. на поддержку недостаточных забастовочников костромской почтово-телеграфной конторы и 100 руб. в распоряжение Совета Депутатов Рабочих г. Петербурга на поддержку выброшенных на улицу более 100 тысяч рабочих. Первое постановление—отказано в выдаче жалования. Кроме того предположено образовать из ежемесячных отчислений особый фонд для поддержки борющихся за правовые и экономические улучшения.

20 ноября собрание типографщиков. Был выработан устав профессионального союза работников печатного дела; выбран представитель в Совет Рабочих Депутатов, выбрана временная комиссия для записи членов и созыва общего собрания в целях окончательной организации.

Происходят учредительные собрания вновь образующихся союзов слесарей, серебряных и часовых дел мастеров, портных, а также служащих в гостиницах и ресторанах. Союзы этих цехов в скором времени начнут действовать.

20—21 ноября состоялись обычные социал-демократические митинги в Михинском сквере, привлекавшие каждый до 2-х тысяч человек. Один из ораторов соц.-дем. знакомил слушателей с задачами и значением вновь организовавшегося местного Совета Рабочих Депутатов, указывал на важность Совета как собственного правительства рабочих и его громадное значение в деле борьбы рабочих за экономическое и правовое положение. Указывалось на важность для Совета руководства партии передового пролетариата в лице Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Другие ораторы социал-демократы разъяснили слушателям всю важность настоящего момента, когда борец за всенародную свободу, российский пролетариат, получил сильное подкрепление со стороны братьев крестьян и солдат. Один оратор говорил о неизбежности и близости вооруженного восстания и замены правительства Витте временным революционным правительством. В самом недалеком будущем в Костроме созывается митинг чиновников. Количество их определяется приблизительно в 400 человек. Как говорят, некоторые чины полиции хотят непременно посетить этот митинг в качестве слушателей.

„Новая Жизнь" № 23, 27 ноября (10 декабря) 1905 года.

Ярославль. (Корр. „Новой Жизни")

В настоящее время почти вся рабочая часть населения города прекратила свою деятельность. С 21 ноября парализованы более 10 цехов, не считая фабрик и заводов, прекративших свою деятельность еще за две недели до начала забастовки почтово-телеграфных служащих.

20 ноября прекратили работу пекаря, кузнецы и сапожники, через два дня к ним присоедини-

лись извозчики и прислуга. Постепенно забастовка стала разрастаться, принимая угрожающие размеры, пока не охватила всей промышленной жизни города. Среди буржуазной части населения царит полнейший ужас. Опасаются новых погромов со стороны черной сотни и их покровителей, а также и всеобщей забастовки железнодорожных служащих.

Ввиду такого положения вещей многие фирмы принуждены были ликвидировать свои дела и покинуть город...

В здании манежа устраиваются грандиозные митинги, на которых присутствует, кроме рабочих, масса интеллигенции и солдат.

Преобладающий элемент ораторов — социал-демократы. Порядок образцовый. Полиция и казаки отсутствуют. Все время здания охраняются организацией боевой дружины, состоящей преимущественно из рабочих и частью из интеллигенции. Мужская гимназия и фельдшерская школа закрыты.

Среди солдат Фанагорийского полка тоже происходит брожение. Запасные требуют немедленного отпуска „по домам" и выражают неудовольствие на грубое обращение офицеров и прочего начальства.

Недавно произошел следующий случай. Для прекращения забастовки и митингов на Корзинкинской мануфактуре на фабрику были командированы солдаты; однако по прибытии на место назначения они отказались предпринимать что-либо против забастовавших рабочих, отчего были возвращены обратно. Администрация опасается открытого протеста и всеми силами старается задавить начавшееся недовольство.

На заводе Свечникова войска...

„Новая Жизнь" № 25, 30 ноября (13 декабря) 1905 года.

Примечания

[1]) Вот как определяется сущность зубатовской политики в „Кратком курсе истории ВКП(б)“:

„Наряду с усилением репрессий, царское правительство пытается принять и другие, более „гибкие“, меры, не имеющие характера репрессий, чтобы отвлечь рабочих от революционного движения. Делаются попытки создать фальшивые рабочие организации под опекой жандармов и полиции. Эти организации назывались тогда организациями „полицейского социализма“, или зубатовскими организациями (по фамилии жандармского полковника Зубатова, создавшего эти полицейские рабочие организации)“. (История ВКП(б), 1938 г., стр. 29).

[2]) Одним из первых социал-демократических кружков в г. Костроме был кружок на фабрике Зотова, организованный в 1897 году. В кружке первоначально было 22 человека (впоследствии они разбились на три кружка).

Этот кружок установил связи с „Петербургским союзом борьбы за освобождение рабочего класса“. В 1901 году почти все участники кружка были арестованы и приговорены к ссылке.

[3]) Листовки Северного Рабочего Союза и его местных комитетов печатались в нелегальных типографиях массовыми тиражами. Помимо упоминаемой в корреспонденции прокламации о вве-

дении на фабриках усиленной охраны, только с февраля и по июнь 1903 года было издано и распространено: 1) Северным Рабочим Союзом — 6 названий листовок, 2) Ярославским Комитетом Союза — 3 названия, 3) Костромским Комитетом — 2 названия.

[4]) Упоминаемая в данной и последующих корреспонденциях стачка рабочих фабрики анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной известна под названием „Михинский бунт". По делу о забастовке и рабочей демонстрации 8 мая 1903 года было привлечено к суду 24 рабочих. Состоявшийся 28 октября 1903 года суд оправдал 18 подсудимых, остальные были приговорены к тюремному заключению от 3-х месяцев до 2-х лет.

[5]) Конференция Северных Комитетов состоялась в декабре 1904 года в Колпине.

Эта конференция большевистских комитетов (Петербургский, Московский, Тверской, Рижский, Нижегородский и Северный) была созвана после того, как стало ясно, что меньшевики в своей борьбе против решений II съезда партии ведут линию раскола в партии, используя в этих целях захваченную ими „Искру" и ЦК.

Конференция, официальным инициатором которой был Северный Комитет, высказалась за немедленный созыв III съезда партии.

[6]) Комиссия Шидловского была попыткой царского правительства отвлечь рабочий класс от революционной борьбы. Комиссия была создана царским указом 11 февраля (29 января) 1905 года „для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых". В эту комиссию, наряду с представителями раз-

ных ведомств и фабрикантов, должны были войти и выборные от рабочих. Большевики разоблачили реакционные цели этой попытки царизма. Комиссия эта так и не была созвана.

[7]) Речь идет об известной всеобщей стачке иваново-вознесенских рабочих. В „Кратком курсе истории ВКП(б)“ (стр. 57) о характере и значении этой стачки говорится следующее:

„Среди летних стачек особенно выделяется стачка иваново-вознесенских рабочих. Она длилась с конца мая до начала августа 1905 года, т. е. почти два с половиной месяца. В стачке принимало участие около 70 тысяч рабочих, среди них было много женщин. Стачкой руководил Северный Комитет большевиков. Почти ежедневно за городом, на реке Талке, собирались тысячи рабочих. Здесь, на собраниях, они обсуждали свои рабочие нужды. На собраниях рабочих выступали большевики. Чтобы подавить стачку, царские власти приказали войскам разгонять рабочих, стрелять в них. Было убито несколько десятков и ранено несколько сот рабочих. Город был объявлен на осадном положении. Однако рабочие держались стойко и на работу не шли. Рабочие и их семьи голодали, но не сдавались. Только крайнее истощение принудило рабочих стать на работу. Стачка закалила рабочих. Она показала образец мужества, стойкости, выдержки, солидарности рабочего класса. Она послужила настоящей школой политического воспитания иваново-вознесенских рабочих“.

[8]) Созыв конференции групп Северного Комитета (июнь 1905 г.), как это ясно видно из обсужденных на конференции вопросов, был проведен ЦК для реализации важнейших решений III съезда партии. Конференция имела большое значение

по мобилизации большевистских организаций перед подъемом революции 1905—1907 годов.

Упоминаемая в отчете конференция комитетов Северного района состоялась в Москве 21—23 ноября 1905 года.

[9]) „Депутация земцев к царю“ была составлена на происходившем в июне 1905 года совещании земских и городских деятелей. Совещание выработало раболепную верноподданническую петицию („адрес“), в которой земцы умоляли царя, „пока не поздно для спасения России во утверждение порядка и мира внутреннего, созвать народных представителей“. Земская делегация для вручения этой петиции была 19 июня 1905 года принята царем.

Это хождение земцев к царю на деле выражало предательскую роль либеральной буржуазии, искавшей в страхе перед революционной борьбой рабочего класса сделки с царизмом.

[10]) Указ царя о Булыгинской Думе был издан 19 (6) августа 1905 года. Согласно указу Дума проектировалась как совещательный орган представительства помещиков и крупной буржуазии. Рабочие вовсе исключались из участия в выборах, а крестьяне, путем многостепенной системы выборов, тщательно отсеивались в процессе выборов.

Меньшевики разработали свой план участия в избирательной кампании. Ленин, вскрывая сущность Булыгинской Думы как сделки царизма с помещиками и крупной буржуазией, пытающейся „подкрасться к власти за спиной борющегося народа“, призывал к активному бойкоту выборов в эту Думу под лозунгом подготовки пролетариата к вооруженному восстанию.

Революционный подъем 1905 года смел эту Думу,

не дав осуществиться и меньшевистскому плану.

[10]) В статье „Представительство РСДРП в Международном Социалистическом Бюро“, помещенной в „Пролетарии“ № 20, 10 октября 1905 года (см. Соч., т. VIII, стр. 275—277), В. И. Ленин указывает на приведенную резолюцию Костромского комитета РСДРП, как выражающую мнение организаций большинства по поводу представительства Плеханова в Международном Социалистическом Бюро.

[11]) Вяч. Руд. Менжинский в 1903 году состоял членом Ярославского комитета РСДРП (руководил агитационно-пропагандистской работой). Одновременно тов. Менжинский работал секретарем редакции газеты „Северный Край“. Кроме тов. Менжинского в газете „Северный Край“ работало еще несколько большевиков. Помещение редакции служило местом явок. После ухода из газеты, тов. Менжинский выехал из Ярославля в Петербург, где принимал активное участие в работе большевистской военной организации.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Надо читать
57	18 сверху	о других комитетах	в других комитетах
59	19 сверху	большевиков	большинства
64	1 сверху	другие	другой
84	17 сверху	все эти	все свои
94	4 сверху	с партию	в партию
98	20 сверху	3 — 4 бюллетеня	4 — 5 бюллетеней
98	12 снизу	собраться	собраться с депутатами

по мобилизации большевистских организаций перед подъемом революции 1905—1907 годов.

Упоминаемая в отчете конференция комитетов Северного района состоялась в Москве 21—23 ноября 1905 года.

[9]) „Депутация земцев к царю“ была составлена на происходившем в июне 1905 года совещании земских и городских деятелей. Совещание выработало раболепную верноподданническую петицию („адрес“), в которой земцы умоляли царя, „пока не поздно для спасения России во утверждение порядка и мира внутреннего, созвать народных представителей“. Земская делегация для вручения этой петиции была 19 июня 1905 года принята царем.

Это хождение земцев к царю на деле выражало предательскую роль либеральной буржуазии, искавшей в страхе перед революционной борьбой рабочего класса сделки с царизмом.

[10]) Указ царя о Булыгинской Думе был издан 19 (6) августа 1905 года. Согласно указу Дума [illegible] как совещательный орган пред-

не дав осуществиться и меньшевистскому плану.

[10]) В статье „Представительство РСДРП в Международном Социалистическом Бюро“, помещенной в „Пролетарии“ № 20, 10 октября 1905 года (см. Соч., т. VIII, стр. 275—277), В. И. Ленин указывает на приведенную резолюцию Костромского комитета РСДРП, как выражающую мнение организаций большинства по поводу представительства Плеханова в Международном Социалистическом Бюро.

[11]) Вяч. Руд. Менжинский в 1903 году состоял членом Ярославского комитета РСДРП (руководил агитационно-пропагандистской работой). Одновременно тов. Менжинский работал секретарем редакции газеты „Северный Край“. Кроме тов. Менжинского в газете „Северный Край“ работало еще несколько большевиков. Помещение редакции служило местом явок. После ухода из газеты, тов. Менжинский выехал из Ярославля в Петербург, где принимал активное участие в работе большевистской военной организации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *В. А. Кузмичев.*
Техред *А. В. Астафьев.*
Корректор *Т. Д. Гоностарева.*

Сдано в набор 25 ноября 1938 г. Подписано к печати 21 апреля 1939 г. Индекс изд. П—1—б. Изд. № 15. Уполн. облита № 8392. Зак. тип. № 4312. Тираж 5000 экз. Уч.-изд. л. 5,928. Печ. л. 3,75. В 1 печ. л. 63232 зн. Бум. 69×102/32. Типография имени М. Горького, г. Кострома, Молочная гора, 3.

Цена 95 коп. Переплет 50 коп.

Цэна 1 руб. 45 коп.